

КРИСТИНА ЮРАШ

ФЕЕРИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

Кристина Юраш
Феерическая Академия

«Автор»

2020

Юраш К. Ю.

Феерическая Академия / К. Ю. Юраш — «Автор», 2020

Поцелуй красавца - Оберона - смертелен и медленно убивает избранную им фею, Жаль, что я узнала об этом слишком поздно, когда очутилась в объятиях красавца - короля. Никогда не пытайся снять проклятие с прекрасного принца. Быть может, это заколдованное чудовище. Я честно думала, что это - муха! Или бабочка! Но это была фея! И теперь она мертвая лежит на моем столе, а у меня ... ее крылья! Где же тебя бедняжку носило! Почему у тебя такие страшные крылья? От кого ты бежала?

© Юраш К. Ю., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Офееть, залетела!	7
Глава вторая. Нифеясебе какой расклад!	10
Глава третья. Феёвенькие перспективы	13
Глава четвертая. Офеительный поцелуй	17
Глава пятая. Мечты накрылись холмиком	24
Глава шестая. Девушка с татуировкой паутины	32
Глава седьмая. Засосун, или никому не нужен феерический король?	37
Глава восьмая. Поцелуй меня в бородавки	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кристина Юраш

Феерическая Академия

Офеенная Феерия

И жили они долго и счастливо, и умерли в один день, потому что этот достал меня, скотина! И та тоже хороша!

Добрая Крестная Фея

Пролог

Я снова и снова прикасаюсь к полуоткрытым губам, сливаясь с ней в страстном и жестоким поцелуе. Ее дыхание трепещет, а она медленно умирает в моих объятиях, тая и растворяясь в вечности. Зато я чувствую этот отчетливый шаг за грань мира мертвых в мир живых, ощущаю, как ее дыхание становится моим, как угасает ее сердце, зато мое начинает биться так гулко, так громко, словно ее сладкие губы вдыхают в меня жизнь. Я понимаю, что должен остановиться, понимаю, что каждый мой поцелуй убивает ее, что он подобен яду, который заставляя ее губы просить еще и еще...

Я сжимаю ее прекрасное тело, вижу, как спадает тонкое покрывало, приоткрывающее изведенные мною тайны, а она застыла в сладкой, чарующей неге и смотрит на меня. Ее веки полуоткрыты. Словно опьянев, она откидывает голову, отдаваясь томной страсти... А потом... Потом я держу ее тело на руках, помня сладкий, упоительный вкус ее губ, которые больше никогда не приоткроются в соблазнительно манящем порыве... Она уснула вечным сном. И ее не разбудит ни поцелуй прекрасного принца, ни колдовство, ни древняя магия...

Этот вечный, бездыханный сон заставляет меня стиснуть зубы. Я убил ее... Еще одну бабочку...

Я смотрел на прикрытые веки, на волосы, в которых сверкали бриллианты, на роскошное платье и на маленькую корону...

– Прости меня, – произношу я, отворачиваясь. – Прости за то, что я – твоя смерть... Прости за то, что ты стала еще одной из тысячи...

Однажды у меня был выбор. И я его сделал. Либо так, либо умирает все мое королевство и магия, которая царит в этом мире. Я понимаю, что был, есть и остаюсь единственным, кто снесет голову идиоту, который попытался силой заполучить фею. Я был и остаюсь тем, чьи сапоги лижут короли и министры, стоит мне лишь явиться во дворцы. Я страх, который защищает мир волшебства, я – предводитель дикой охоты, я – смерть тем, кто не внял моим предупреждениям.

Я поклялся себе, что ни одна из этих несчастных девушек ни в чем не будет нуждаться, покуда она со мной. Я поклялся, что сделаю все, чтобы она чувствовала себя счастливейшей из женщин... Любой каприз, любая прихоть, любая просьба исполнялась в точности... Это все, что я мог сделать для них.

Единственное, что я никогда не мог дать им – это любовь.

Глава первая. Офееть, залетела!

– Так! – поморщилась я, болтая ложкой в кружке с чаем. За окном была та самая, теплая и уютная осень, шуршащая золотом листья под ногами. Пока все нормальные люди закатывают огурцы, помидоры, а дорожные службы деньги в асфальт, мне закатывают истерику. – Слезки вытерла, сопельку втянула и по порядку! Он пришел и... ?

На том конце трубки страдала подруга Ася. Причем, страдала жутко, с подвываниями. Наверняка оборотень в полнолуние тихо прижал хвостик и уши, прячась под кустами, если бы однажды встретил в лесу Асю с ПМС.

– Он пришел и-и-и-и... а-а-а-а потом... ы-ы-ы-ы... хрю-хрю! – просморкалась белый лебедь, которую не пятнает грязь бытовухи, запевая свою лебединую песню про великую несчастную любовь. – Говорит, что я... и-и-и-и... а-а-а-а... ы-ы-ы-ы... а-а-а-а... Сволочь он... Тва-а-а-арь он!

Я молча топила дольку лимона в кружке, поглядывая в окно на соседей, который под покровом вечера выносили не только мусор, но и мозг друг другу.

«Возьми меня! Да, детка, да! Только нежно!», – соблазнительно нашептывало сдобное печенье в ажурной вазе, пока я через слово слушала проблемы Аси, привычно не вникая в их глубинную, неизменно трагическую суть.

– А потом... потом... ы-ы-ы-ы! Говорит, что ... у-у-ухожу... на-навсегда-а-а-а..., – слышалось в трубке, пока я, хрустя печеньем и смахивая крошки, читала опус «Как обрести спокойствие и уверенность в завтрашнем дне». То, что завтра тоже будет «дно», я не сомневалась, но готовилась принимать это спокойно, как учила меня книга. Печенье хрустело, Ася рассказывала о тяготах своей жизни на громкой связи, спокойствие входило в мою жизнь, часики тикали, знакомые намекали – жизнь шла своим чередом, утекая вместе с зарплатой в направлении мне неизвестном.

– Он сказал, что ... а-а-а-а-а, у-у-у-у-у... И так... по-по-постоянно... Чуть что... Так сразу... у-у-у-у, – рыдала Ася, вещая мне о тяготах совместной жизни, а я подтащила к себе телефон, откладывая книгу и складывая очки на стол.

– Скажи ему ... – терпеливо начала я, как вдруг перед носом в открытое окно влетел огромный мух!

Ничего себе! Тут либо матушка-природа померла от гомерического смеха, либо где-то взорвался ядерный реактор, поскольку мух был размером с кулак.

– Эй, ты! – законно возмутилась я, давась печеньем. Мух, как собственно и остальная живность, которую я вывела за неуплату, платить за аэродром не собирается, поэтому будет позорно изгнан.

Мух метался по кухне, сметая с полок солонки-перечницы. На пол полетели приправы, рассыпаясь душистыми дорожками.

– С-с-скотина! – орала я, пытаюсь настичь разрушителя спокойствия, мечущегося по всей кухне.

Мух ударился о прикрытую крышку кастрюльки, перевернул кастрюлю на пол, а я, вооружившись книгой, решила избавить мир от такой напасти, перепрыгивая через лужу супчика.

– А ну иди сюда! – возмутилась я, резво хватая со стола книгу. – Да достал ты уже!

Липкая лента, призвание которой было спасение меня от неопознанных летающих и жужжащих объектов, радостно встретила муху в свои объятия.

– Слушай сюда внимательно! – ругалась я, видя, как мух путается в ленте, обрывает ее и падает прямо в цветочный горшок, который тут же переворачивается цветком вниз.

– Это – мой дом! Так что катись отсюда, пока не убил! – пояснила я, теряя на ходу пушистый тапок. Моя любимая кружка с чаем полетела на пол, разбиваясь и обдавая мои ноги горя-

чей водой, пока мух воспрянул духом и устремился к шторе. Я попыталась его схватить, но меня ужалило так, что пришлось отдернуть руку.

– А ну быстро вон! Нечего тут гадить! – пригрозила я, замахиваясь книгой и пытаюсь уничтожить зло еще в зародыше. Несколько ударов пришлось на стену, а мух выкрутился, оторвав мне каким-то чудом на голову карниз. Потирая ушибленную макушку, я свирепо бросилась в бой, прикладывая книгой холодильник. Магнитики посыпались на пол, сладкий и теплый Гольфстрим чая, смешивался с холодным течением супа, пока я пыталась настичь упрямое насекомое, крушащее все на своем пути. С полочки полетели кружки, сахарница, пакетик с леденцами. Странно! Намазала руки кремом от раздражения, а убивать до сих пор хочется!

– Проваливай к своим ночным бабочкам! – отдышалась я, глядя как не мух, а сто рублей ущерба бросается на стол. Бах! Попался!

Я стояла, сдувая прядь волос с покрасневшегося лица, в моих руках была книга, под которой, видимо, блинчик. «Как обрести спокойствие...», – снова прочитала я название,

– Так, – опустила я на стульчик, глядя на масштабы разрушений и стряхивая капусту с тапочки. Если это была моль, то что-то мне подсказывает, что она полшубы за раз откусывает!

– Ой, Лиличка, спасибо тебе! Только что подошла к нему, а он... он вещи собирал! К-к-как всегда... И все-все сказала! Даже интонацию повторила! – задыхался голос Аси, пока на заднем фоне слышалось: «Нет, ну ты че? Серьезно?». – Да! Серьезно! Катись к своим ночным бабочкам, пока не убила!

Пока на заднем плане шло бурное перемирие, я отключила телефон и приготовила салфетки. Я нацепила очки, пытаюсь понять, что это за шершень. Ничего, сейчас книжечку убе...

На столе лежала дохлая... фея. Я проморгалась на всякий случай, крепко зажмурилась, открыла глаза. Да, так и есть! Дохлая... фея! Вот драные, осыпавшиеся, как у старой матерой моли, крылья... Вот голова, вот ручки, а вот платице и сумка...

Может, это игрушка? Хотя нет! Пятно на книге намекало, что пора вызывать сказочную полицию. Я осмотрелась по сторонам, в надежде, что сейчас меня не арестуют веселые гномики со словами: «Вы имеете право хранить мычание! Все, что будет сказано вами, будет использовано в сказке против вас!».

На всякий случай я протерла глаза, понимая, что труп феи теперь ляжет тяжким грузом на мою и без того похожую на груженный локомотив совесть. Ну хоть бы предупредила, что фея! Мало ли? Пискнула бы! Нужно сфотографировать ее на телефон, а то мало ли! На работе покажу – не поверят! Или ее сдать в какой-нибудь музей? Жадность боролась с человечностью, и проиграла, пока я искала в серванте среди всякой пыльной всячины красивую коробочку из-под духов.

Пока я разглядывала свою жертву, из маленькой ручки вывалилась бумажка, которую я взяла пинцетом. Внезапно бумажка стала обычного размера, превращаясь в красивый, плотный и слегка желтоватый лист, исписанный крупным почерком.

«Дорогая крестная! Ты обещала, что все будет хорошо, что мы с ним будем жить долго и счастливо до глубокой старости. Но все плохо, милая крестная! Все очень плохо! Все просто ужасно! Хуже некуда! Помоги! После свадьбы его как подменили! Что мне делать? Как быть? Прилетай скорее! Спаси меня! Твоя любимая крестница».

Фея, для которой была заготовлена коробочка с бантиком, таяла, а на ее месте появлялся маленький цветочек.... Лилия? Я взяла цветок в руку, пытаюсь понять взаимосвязь между событиями, как вдруг он рассыпался на стол.

Я чувствовала, как мои руки начинают дрожать, а спина чесаться. Я поерзала лопатками по спинке стула, чувствуя, нестерпимый зуд. Место укуса чесалось невероятно, а я уже подозревала, не промышляют ли феи вампиризмом.

– Ай! – дернулась я, пытаюсь повернуться. Халат съехал, а я не могла понять, что происходит. Бросившись к аптечке, я достала перекись, обильно поливая место укуса. Что там на

спине? Не могу понять! Поскальзываясь на супе и чае, я бросилась в ванную. Сейчас посмотрим! Халат упал на пол, а у меня из-за спины показались два ободранных, серых крыла, как у старой, заматеревшей на валенках и ношенных шерстяных носках, моли.

Я протерла глаза, включила воду, начиная экстренно умываться и мерять рукой температуру. Стаканчик с зубной щеткой упала в раковину, а я трясла головой, пытаюсь отогнать наваждение. Это куда нужно звонить? В волшебную скорую? Сейчас придут те же гномики и отрежут мне два рваных крыла, цвета половой тряпки?

– Нифея себе! – прошептала я, сплевывая воду и промокивая лицо полотенцем. Рваные крылья за спиной зашевелились, вызывая у меня непроизвольное движение бровей. А ну-ка! Еще разочек! Крылья пошевелились, а я скосила глаза на правое крыло. Не хочу знать, чем промышляла эта фея, потому что выглядит она очень потасканно!

Шутки-шутками, а в поликлинику для опытов я не собираюсь! Не хватало, чтобы надо мной эксперименты ставили! Достаточно того, что жизнь это делает с завидной регулярностью...

– Что делать? Что делать? – металась я по квартире, периодически проверяя рукой крылья. Я вот не могу понять, меня сейчас к цветочкам должно тянуть или к шубе? Итак, я – бабочка. Видимо, ночная. Кто у нас естественные враги бабочек? Пауки, птицы, дети, газеты! Детей у меня нет, не нашелся еще такой паук, который про мою душу свяжет паутину, птички тоже пока не претендуют, а вот газета со свежими новостями вполне может отправить на тот свет любого слабонервного!

Я присела на стул, взяла в руки книгу и открыла на главе: «Проблемы отваливаются сами по себе, если вы их не замечаете!». Все! Не буду замечать крылья! Они сами отвалятся!

На всякий случай я закрыла окно. Мало ли? Вдруг ко мне дракон залетит, а я потом залечу от него, как в том романе, что подарила мне Аська? С драконом я книжкой вряд ли справлюсь. Окно плотно закрылось, а я вдохнула и выдохнула, понимая, что где-то поликлиника уже мечтает ставить на мне опыты, готова блестящие инструменты и разделочный стол.

– Вы должны быть окрылены мечтой... – шепотом прочитала я, начиная тихо хныкать. – Представьте, что у вас раскрываются крылья, на которых вы стремитесь к мечте... Вы должны физически почувствовать крылья... Это важно...

Книга захлопнулась! А я тяжело выдохнула, осторожно смотря назад. Сквозь серое, рваное, потертое крыло было видно что-то странное, черное в углу кухни. Оно беззвучной тьмой ползло за мной, и если бы я не оглянулась бы, не заметила бы! Вскочив со стула, я стала медленно отходить.

– Иди ко мне, моя бабочка, – шептал голос из темноты. – Не бойся, милая... Я заверну тебя тончайшее, невесомое покрывало...

Я настороженно отходила, чувствуя, как голос сладким ядом пропитывает душу. «Моя нежная бабочка...», – слышалось в темноте, а я бросилась из кухни, надежно прикрывая дверь за собой. Свет, включенный в темной кишке изогнутого коридора, замигал, а я взвизгнула, бросаясь в комнату. Споткнувшись о ковровую дорожку, я почувствовала, как меня поднимает в воздух, ударяя головой о люстру. Крылья, живущие какой-то своей, обособленной жизнью, бросали меня из стороны в сторону, тапок слетел с ноги, улетающая в сторону серванта, а меня дергало в воздухе так, что едва не ударило о потолок. Крылья несли меня в сторону спальни, а я на ходу потеряла еще один тапок и телефон, вывалившийся из кармана домашних шорт.

– Не-не-не, – запричитала я, выставив дрожащие руки вперед. Встреча головой с дверным косяком в мои планы не входила, но видимо крылья так не думали, со всей силы бросая меня, как в зоне турбулентности. Меня бросило на сервант, откуда со звоном посыпалась посуда, а потом больно приложило головой об потолок, заставляя после мутного осмотра масштабов разрушений, тихо сникнуть.

Глава вторая. Нифеясебе какой расклад!

Это кто у нас довел мужика до ручки?

До ручки принцессы и ее сердечка?

Мои глаза потихоньку разлепились, пока я честно пыталась прийти в себя. В мутной дымке виднелась какая-то ветхая, серая мебель с прорезьями, как в деревенских туалетах. Кривые, серые стены переходили в соломенную крышу, откуда свисали пучки соломы, а сквозь дыры виднелись заплатки неба. Маленький стульчик был перевернут. Видимо, он и стал причиной вот этого «ой, мамочки, как же больно!». Глаза, решив, что я еще не готова увидеть несовершенство мира, тут же закрылись.

– Очнулась! – послышался оглушительный писк, а я опять сделала над собой усилие, продирая глаза. Рядом со мной сидели мышки. Судя по ощущениям, во рту нагадили именно они. Маленькие такие, серенькие, одетые в платица и рубашечки. Вокруг меня валялись пустые, пузатые бутылки, а я лежала лицом в какой-то липкой луже, пахнущей хмелем и бражкой.

– Снова нализалась! – слышались разочарованные, но отнюдь не удивленные писклявые голоса. Я мутным взглядом посмотрела на разодетых мышей, окруживших меня со всех сторон, причем, несколько из них сидели на бутылке, осуждающе глядя на меня. Меня еще мыши не осуждали! Я снова поникла, чувствуя, как раскалывается чугунная голова, а я попыталась рукой обессиленно отогнать придуманных моим воспаленным мозгом мышей от моих пока еще не останков.

Сквозь темноту сознания послышалась противная, писклявая песенка, а по мне забегали маленькие лапки.

– Нажралась нектара фея, разбудить ее сумеем! Растолкать ее сумеем! И в чувства приведем! Мы поможем, мы поможем, нашей глупой старой фее! Пусть ведет себя скромнее, пусть работает шустрее! Но ей больше не нальем! – пели мыши, а на меня обрушился ушат холодной воды, от которой я задыхалась, плевалась и мычала, размахивая руками.

– Наливать мы ей не будем! Ни с утра, и ни в воскресенье! – задорно пели мыши, пока я пыталась прийти в себя, сидя в луже. – Ни на свадьбу с новосельем! Ни в грусти, ни в веселье...

Я вскочила на ноги, растирая воду с лица, попутно перевернув маленький столик и забившись в угол.

– Ну-ка птички подключайтесь, просыпайтесь, распевайтесь! – противно пели мыши, а я мутно смотрела на подоконник, на который слетаются разноцветные пичуги, хлопая крыльями. – Наша фея снова все ломает! Бутылки добывает!

– Пошли вон! – истерично орала я, отбиваясь от птичек, которые летали над моей головой, поливая меня водой из еще одного ушата, расплескивая его по полу. – Отцепитесь! В зоопарк! Обрато в зоопарк! А ты, дятел, в скворечник! Все! Вон отсюда!

– Из дома выгоняет! – пищащим хором пропели мыши, пока меня со всех сторон атаковали птицы – убийцы моих нервов. – Неужели забывает постоянно наша фея, что платить нам обещала с позапрошленькой недели! Задолжала – задолжала и поэтому поддата! За два года, за два года за жилье нам всем оплату!

Чего? Я что? Мышам денег должна? За дом? Так это уже – не мыши, а крысы какие-то! Я дернулась, чувствуя, как мне на голову опускается корытце, сбивая рукой на подлете особо борзого воробья.

– Все не ладится у крестной! Пропивает всю зарплату! Каждый вечер, каждый вечер наша крестная поддата! – верещали мыши, пока я сражалась с птицами, скидывая деревянный ушат с головы. – Не сложись наши пары, принц с принцессой. Что такое? И поэтому мы фею здесь выводим из запоя!

– Да не фея я! – заорала я не своим голосом, отбрасывая ушат подальше и прислоняясь к стене. – Не фея! Успокойтесь и не пищите! И так башка раскалывается!

– Вот опять она талдычит, что не фея, что ни фея! Нифея мы ей не верим! А кто же вынес двери? – пищали мыши, пока я смотрела на убогонькие апартаменты. Если удобства находятся во дворе, то я, пожалуй, там и поселюсь! Дом был обчищен, шкафчики съехали, а дверца одного с душераздирающим скрипом болталась на одной створке, аплодируя пишущему концерту. Вокруг убогенькой лежанки стояла целая армия бутылок, выстроившись в ряд почетным караулом. Маленькое оконце с ляповатой занавеской было открыто, а на створках сидели птицы, с явным интересом заглядывая внутрь.

– Прекратите! Я объясняю вам! Я – не фея! – выдохнула я, оседая по стене и чувствуя, как мои намокшие крылья висят грязными тряпками. – Я вообще из другого мира! Мира, где квартиры в аренду сдают преимущественно крысы!

– Снова фея все не помнит с недосыпа, перепоя! – затащили мышки под чирикание птиц. – Даже имя, даже имя... Ее память дает сбой!

– Тишина! – рывкнула я. Мыши притихли, а я с тихим стоном обняла мокрую голову. – Итак, давайте по порядку! Я – не фея. Я нифея ни фея! Это раз! Второе! Я не знаю, где я! Не могу понять, почему со мной разговаривают мыши! Третье...

– О-о-о-о! – протянули мыши, цыкая и качая головами. – Зовите белочку!

Щебечущие птички вылетели вон, пока я отчаянно массировала виски. Я буду массировать их до тех пор, пока мыши не прекратят разговаривать.

– У феи – белочка! – разнеслось по всему лесу, а на кривой пыльный подоконник приземлилась рыжая белка, скептически осматривая меня.

– Жалобы есть? – спросила белка неожиданно басом, подбегая ко мне. – Ты, это, завязывай, фея! Опять никого не узнает?

А что? Я этих мышей по именам знать должна? Каждого и каждую?!

– Как обычно, – вздохнули мыши, а белка уселась ко мне на колено, заглядывая то в правый глаз, то в левый. – Опять орет, что не фея. Опять не помнит своего имени и где она! Собственно, как и каждое утро! Набуянилась, стул сломала! Потом в окно вылетела с криком: «Ща я тут разберусь с этим чудовищем! Будет знать, как крестницу обижать!». Ей опять пришлось письмо от «жили они долго и счастливо»! Она выломала ножку стула, стала размахивать ею...

– Хм..., – покачала головой белочка. – Это белочка. Тут я ничем, к сожалению, помочь не смогу. И дать ей на орехи тоже. Эй, фея! Ты как?

Со мной разговаривает белка! Рыжая, пушная белка! Ее привели мыши и птицы! Все нормально. Я абсолютно здорова.

– Вы что? Лицо своей феи не помните? – схватилась я за возможность встать и слинять отсюда. Маленькая полочка оборвалась, а я осела вместе с ней на пол. – Я – не она!

Мышки закивали, внимательно меня слушая. Мне даже показалось, что сейчас этот вопрос решится.

– Это как на прошлой неделе! Я – мужик! Я – не она! Я – он! Называйте меня Сигизмундом! – горестно вздохнул какой-то мыш в красном колпачке, с надеждой глядя на белочку. – Хоть все люди для нас на одно лицо, но крылья-то знакомые! И так каждый раз...

– Еще раз. Я – не ваша фея! Вашу фею, надо думать, я... , – и тут я осеклась, понимая, что мыши мне могут такого не простить. – Она просто попросила поменяться с ней! Отдала мне свои крылья... И сейчас я ищу возможность избавиться от крыльев и вернуться домой, в свой мир...

Меня обнадеживало, что зверье понимающе кивало, переглядываясь. Нет, все-таки есть справедливость в этом мире. Пусть даже в каком-то сказочно-нереальном.

– Это как позавчера. Пустите меня в мой мир грез! Уберите свои маленькие грязные лапки! Фея очень устала! Она расслабляется! – покачала головой мышка в желтом платице. – Фея – не пьет, фея дегустирует... Фея может бросить в любой момент! И бросила! Своих крестниц!

Да, жизнь шла в своем чередом. Правда, в направлении, которое меня не радовало!

– Как тебе не стыдно! – прошебетали птички, а одна из них больно клюнула меня в палец. – Бросила своих крестниц! А обещала им «долго и счастливо»!

– Кому я что обещала? – уточнила я, понимая, что мыши реальные, птицы тоже. Реальна даже белочка, сидящая на спинке стула.

– Смотри на орех! – произнесла белочка непривычным баском, водя перед глазами орехом. – Ты больше не будешь пить! Ты больше не будешь пить волшебный нектар хмеля!

– Да отстаньте от меня! Я вообще не пью! – отмахнулась я от живности. Мне на голову посыпались бумаги. Прямо возле руки лежал какой-то диплом. «Диплом Академии Фей, с отличием, выданный по специальности «Крестная фея». Я открыла его, пытаюсь найти имя феи, но часть с именем была вырвана. Собственно, как и вкладыш с оценками.

– Если я – фея, то где моя волшебная палочка? – устало спросила я, обрадовавшись мысли, что ею можно взмахнуть, и все тут же станет хорошо.

– Так ты ее где-то посеяла! Пропила! – наперебой орали мыши, ползая по мне. – Не помнишь? Вернулась, дверь выбила, еще полночи песни горланила. Неприличные.

– Какие неприличные? – уточнила я, пытаюсь взять себя в руки и шаря рукой в ворохе писем. Точно такое же письмо я видела в руках у феи.

– Я попрыгаю, попрыгаю на палочке твоей! На волшебной, на волшебной, не такой, как у людей! Оближу ее... – запели мыши, пока я рассматривала бумажки, которые начинались приблизительно одинаково: «Дорогая крестная! Умоляю! Помогите! Ты обещала, что после свадьбы все будет хорошо...».

– Вот! – протянули мне какую-то страшную палочку, склеенную и перемотанную какой-то светящейся ленточкой. – Твоя старая палочка. Мы ее спрятали. От тебя же! А знаешь, что ты ею делала?

– Не знаю, и знать не хочу! – спохватилась я, принимая из рук мрачное убожество с которого сыпались волшебные искры. Я зажмурила глаза, как следует, сделала глубокий вдох, взмахнула ею и произнесла: «Хочу, чтобы все было хорошо! Чтобы я вернулась к себе домой и у меня никогда не было этих дурацких крыльев!».

– А-а-а-а! – заорали мыши, прячась по углам. Птицы вспорхнули, а белка рыжей пулей вылетела из окна. – Спасайтесь! Лучше бы колдырила, чем колдовала!

Глава третья. Феёвенькие перспективы

Палочка заискрилась, меня бросило в сторону, а из кончика сломанной палки полетели огоньки, начиная радостно плясать по убогому домишке.

– Отлично, – сардонически заметила ближайшая мышь, снимая колпачок. – Теперь еще и дом сожгла. Пустили фею пожить! Ты нам еще за коврик не ответила!

Через полчаса мы с мышами сидели возле головешек, сломанная палочка лежала рядом, а я обхватила голову.

– Мы бы тебя убили, но как представим, сколько закапывать, – понуро заметили мыши, сидя рядом со мной на каком-то бревне, пока домик догорал.

– Я честно пыталась потушить, – возразила я, пообещав себе ничему не удивляться. Очки съехали, а я шмыгнула носом. – Честно-честно!

– Ага, и тогда обвалилась балка! – послышался голос какой-то очень расстроенной мышки. – Что нам делать? Куда нам теперь податься?

– Да-а-а! – сказала белочка басом, сидя на суку, а мне в голову полетел орех, но я была хитрее, поэтому орех пролетел мимо.

Рядом со мной лежала сломанная палочка и груды обгоревших писем, на которые я с грустью смотрела, осознавая реальность этого мира. Траву можно потрогать, шишку тоже, ветер охлаждал лицо, а от головешек идет жар. Да, это – настоящий мир! И крылья у меня тоже настоящие! И неприятности отнюдь не сказочные.

– И что мне теперь делать? – поинтересовалась я, глядя, как добрые птички снимают с меня мерки. – Ваши предложения?

– Сидеть смиренно! – прочирикал пестрый воробей. – Сорок один клюв в ширину!

– Ага! – вздохнули мыши, поддевая дерн. «Мама! Мама! А как копать могилу?», – поинтересовался совсем писклявый тихий голосок. «Так же, как норку, сынок! Только шире и глубже!», – послышался еще один голос.

– Хорошо, что нужно делать? Что входит в обязанности крестной феи? – наобум спросила я, перерывая груды писем. «Дорогая крестная, я прошу! Приезжай ко мне! Я так больше не могу! Поживи у меня хоть пару дней! Умоляю! Этот древний чернокнижник меня...», – прочитала я начало обгоревшего письма, так и не приоткрывшего завесу тайны, покрытой браком. Чернокнижник, говорите? А не может ли этот замечательный, очаровательный старый пердун вернуть меня домой за большое спасибо и красивые глаза? Я даже готова начистить ему до блеска карму, написать хвалебные отзывы на заборе, нарисовать грамоту, лишь бы сейчас очутиться дома за чашкой чая!

– Вот всему ее учить надо, – зачирикали птички, подлетая ко мне. Одна из них запуталась в моих волосах, видимо, намереваясь свить на мне гнездо. – Прикоснулась волшебной палочкой к письму и сказала «Перенеси меня к ней!».

– Вот зачем? Мы только-только с кротоми договорились! – почти хором заорали мыши, гневно косясь на добрых и болтливых птичек, а я тут же схватила палочку и взмахнула ею и прикоснулась к пергаменту.

– Перенеси меня к ней! – негромко произнесла я, не сильно рассчитывая на успех, но меня подняло в воздух, дернуло из стороны в сторону, а потом все перед глазами побежало волшебными искорками. Я чуть не выронила сломанную палочку, пока меня швыряло в зоне феерической турбулентности, а потом бережно приземлило неподалеку от огромного мрачного дома. Темные, монументальные стены мелькали узкими просветами зашторенных окон, черная крыша мрачнела на фоне сумрачного неба, а сад вокруг был опутан чем-то белым.

Я мысленно утешила скрюченную каменную горгулью – привратницу, которая, видимо, съела что-то не то, а теперь с выпученными глазами решает проблему доступным способом,

откладывая кирпичи вместе со мной. Не знаю, кто позировал для этой горгульи, но могу сказать, что, исходя из мучений, получился отличный посмертный памятник. Осмотревшись по сторонам, я опасливо двинулась в сторону дома, понимая, что мне категорически не хочется лезть не только в эти дебри, но и в дебри чужих отношений.

Поскользнувшись на мокрой дорожке, я едва удержала равновесие, положив руку на сырой ствол дерева.

– Ой, тля! – скривилась я, видя, как к пальцам липнет длинная паутина. – Бррр! Гадость-то какая!

Морщась от первого впечатления и морально готовясь ко второму, я пробиралась сквозь мрачные заросли, сдирая с себя паутину и четко намереваясь обрести если не кружку чая, то хотя бы уютное кресло. Я даже приготовила половину уха, чтобы слушать семейные проблемы.

Кто это у нас так усердно готовится к Хэллоуину? Кто у нас тут развесил паутину, что ни пролезть, ни пройти? Остервенело срывая мотки липкой, белой гадости, я шагала в сторону черных дверей парадного входа. Потухшие фонари намекали, что гостям здесь умеют радоваться тихо, молча, стараясь не показывать виду, чтобы у гостей не возникло желание прийти в гости еще разочек.

– Тук-тук! – постучала я увесистой ручкой в виде паука, терпеливо переминаясь у входа и репетируя слезливую речь, заготовленную для черствого сердца старого сморчка.

Где-то в гулком коридоре послышались шаги, а я приосанилась, расправила плечи и крылья. О, этот торжественный момент «кто тама» к которому я готовилась с вежливой улыбкой. Ничего, сейчас вытрем ноги, утрем всем сопли и умоем руки!

Дверь скрипнула, хлопая ручкой, я на пороге стоял белокурый ангел лет восемнадцати. Большие, почти детские, ярко-голубые глаза уставились на меня, а на щеках вместе с улыбкой появились аппетитные ямочки, покрытые нежным румянцем.

– Фея! Крестная! – губки ангела задрожали, когда она увидела мои потертые крылья, а она бросилась мне на шею. – Ты пришла! Значит, получила мое письмо! Дорогая моя, крестная...

Меня тянули за руки в дом, а я понуро разглядывала огромный зал с некогда темной-синей плиткой, стены с ободранными сине-золотыми обоями, которые выглядели очень солидно во времена моей прабабушки. Сверкающие золотом канделябры были увешанные белесыми соплями паутины, дарили неожиданно синий свет, а в дальнем конце расположилось роскошное бархатное кресло с вызолоченными ручками. Такой неожиданный островок чистоты в виде ковра и кресла меня слегка обнадежил. Черная лестница уходила куда-то вверх, а я провожала ее воображением, рисуя мрачные коридоры и сумрачные комнаты.

Зато на полу в центре зала стояло ведро, а рядом валялась серая, грязная тряпка!

– Крестная, – взмолилась девушка, которую я видела впервые. Но это не мешало мне мило улыбаться, словно действительно рада встрече. – Как же я рада тебя видеть! Ты ведь помнишь меня! Это же я!

Наступила неловкая пауза, но я тут же закивала, глядя бедняжку по голове и прижимая к груди.

– О, конечно, дорогая моя! – непривычно нежным голосом выдала я, утешая красавицу, которая прильнула ко мне, как к родной, растирая слезы по моей майке. – Конечно помню! Я тебя еще вот такой помню! На руках нянчила! Ты еще такая смышлёная была! Вместо «мама!» сразу слово «дай принца!»...

– Я все сделала так, как ты мне сказала, – всхлипнула девушка, надув красивые губки. – Все-все-все! Я прикинулась бездомной... Пришла туда, куда ты меня послала...

Не знаю, куда тебя послала настоящая крестная фея, но, видимо, ты переусердствовала и пошла еще глубже. Огромная люстра напоминала плакучую иву, белыми соплями паутины

качаясь на сквознячке, многовековой слой пыли погреб под себя мебель и стер краски портретов. Мне, как крестной фее, категорически не понравилось ведро на полу и тряпка. И совсем-совсем не понравился драный передник крестницы. Нет, конечно, я – не настоящая фея, но так эксплуатировать бедняжку нужно еще умудриться.

– Ты полы моешь? – спросила я, глядя на влажный след тряпки, а крестница закивала, жалобно-жалобно заглядывая мне в глаза.

– Тут десять комнат, – икнула она, бросая взгляд на ведро. – Включая гостиную и ... и ... столовую...

– Бедненькая! – воскликнула я с нескрываемым сочувствием, ощущая, как внутри зевает, просыпаясь, женская солидарность. – Как он посмел? Мою крестницу заставить мыть полы! Мерзавец!

– Он так и сказал... Убирайся! Он... Он чудовище! – выдавила из себя крестница, мотая головой, словно не желая верить в это. – Настоящий монстр...

Хм.. Глядя на интерьер, начинаю в это верить! Особенно заставляют фантазию разыграться явные следы когтей, идущие от потолка вниз почти к самому полу.

– Это его любимое кресло! – дернулась она ко мне, как только я заприметила аэродром для уставшего филейчика, который уже холодел от сбивчивых рассказов.

– Ничего страшного, – успокоила я крестницу, закидывая нога на ногу и чувствуя, что, не смотря на крылья, мягкая спинка обволакивает мою спину.

– Так вот... Вы говорили, что он влюбится в меня сразу, – ныла крестница, сидя рядом с креслом и утирая слезы платком. – Сразу влюбится и изменится... А он... Он никак... Вы говорили, что он сразу меня в спальню потащит... Да! Он потащил! Сказал, чтобы убиралась!

Да-а-а. Я смерила взглядом аппетитную фигурку красавицы, понимая, что тут встанет даже мумифицированный фараончик.

– Деточка моя! Понимаешь, у него, – терпеливо вздохнула я, поглаживая крестницу по голове. В камине вспыхнул голубой огонек, а я протянула к нему босые ножки. Нужно как-то осторожно объяснить неискушенному ребенку причину всех ее бед, которая кроется в мужских штанах, изредка любопытно высовываясь по велению хозяина. – Крестная говорила Золушке исчезнуть в двенадцать, а Золушка смотрит на штаны принца, а там ... хм... полшестого!

Рядом со мной на столике возникла маленькая кружечка с чаем...

– Не понимаю, что происходит! – горестно вздохнула крестница, пока я наслаждалась гостеприимством и ужасалась истории. – Ты мне сама тогда сказала, что нужно чаще мыть пол! Руками! И постоянно поворачиваться к нему спиной! Чем чаще я так делаю, тем больше шансов выйти за него замуж!

Я взглядом изучала картину над камином, понимая, что неизвестный художник не покорил, а скорее покарал мир своим творчеством, внимательно слушая неиссякаемый поток жалоб. Меня смущали следы когтей и общий антураж, заставляя при мысли о хозяине зябко ежиться и сочувствовать бедняжке с удвоенной силой.

– Понимаешь, – я погладила по голове крестницу, поддерживая ее всеми фибрами женской души. – Не все бывает в жизни так, как хочется, дорогая моя. Тебе просто достался старый, брюзгливый сморчок с сомнительной репутацией, замашками домашнего тирана в пушистых тапках. Да он даже не мужик, милая! Подумай сама, нафея тебе такой экземпляр? Мы найдем тебе лучше!

Крестница с надеждой смотрела на меня, описывая ужасы каждодневной безрезультатной уборки, ведро сиротливо стояло посреди зала, а я понимающе кивала, не забывая тяжело вздыхать.

– Времена его молодости уже прошли! Его уже голодные червячки на кладбище ищут с фонариками, удивляя переглядываясь «Где он?», а ты молодая, красивая... У тебя еще все

вперед! – от всей тронутой души утешала я несчастную, поглядывая на портрет какого-то старикана, зловеще освещенного голубым светом, идущим от пылающего камина. Фу! Чем думала предыдущая крестная, отдавая такую милую, симпатичную девочку замуж за это мерзкое и отвратительное чудовище? Бррр! Мерзость – то какая!

Мне уже как-то не сильно и хотелось связываться с этим отвратительным типом, превратившим в моих глазах в один сплошной недостаток.

– Так почему ты не уходишь? – поинтересовалась я, глядя в честные глаза крестницы, которая тут же поджала губки, пряча взгляд. – Если он такое чудовище, то почему ты еще здесь?

Крестница покраснела, умолкла, встревоженно глядя куда-то в сторону лестницы. Я подняла голову и обомлела. Изящно облокотившись на роскошные перила, стоял хозяин, внимательно и с явным интересом слушая разговоры. Я честно представляла себе бледную, трясущуюся то ли от холода, то ли от бессильной злобы на весь мир дряхлую немощь, которая половину дня страдает от того, что в доме красивая девушка, а что с ней делать он уже забыл, а вторую половину дня строит планы по захвату мира. Но пока что дальше захвата одеяла дело не сдвинулось. Однако ж, надо с чего-то начинать...

И вот теперь я смотрела на высокого, красивого, словно сказочный принц, перешедший на темную сторону силы, мужчину в алом камзоле. Видимо, на темной стороне он обзавелся многообещающей усмешкой и выражением лица, словно купил квартиру с видом на помойку.

Хищно улыбнувшись, хозяин сделал шаг в сторону лестницы, не сводя с меня темных глаз. Длинные, прямые, темно-медные волосы спадали на плечи, блик свечей играл на них, словно плясали языки пламени.

– Это и есть твоя дряхлая немощь? – шепотом спросила я крестницу, которая тут же решила испариться с горизонта, делая вид, что совершенно здесь не при чем.

– Позвольте представиться, – послышался дерзкий голос, а я смотрела, как грациозно опускается нога в черном сапоге на первую ступеньку. За хозяином стелился алый плащ, а в его руках были сжаты черные перчатки. – То самое чудовище. Хотя я предпочитаю слышать это слово задыхающимся шепотом на ушко.

Тени плясали по бледному лицу хозяина, а я сидела, приоткрыв рот от изумления. Глаза у него были вишневые, а в них плясали нехорошие блики от камина.

– Мерзавец. Такое чувство, что я вас бросил. Но смею заметить, я вас еще даже не поднимал, – насмешливо выдохнул он, а улыбка стала слегка угрожающей. Он шагнул еще на одну ступеньку ниже, отбросив длинные волосы. – Тварь редкостная! Раз я редкостная, то меня нужно беречь. Начинайте.

– Твари редкостной не было! – возразила я, не сводя глаз с хозяина, который смотрел на меня, не обращая внимания на мою крестницу, которая тут же куда-то засобиралась.

– Была, – ответили мне со снисходительной улыбкой, прислонив палец к своим губам и вежливо улыбаясь. – Не спорьте... Продолжим!

До конца лестницы оставалось еще пять ступенек.

– Старый. Сморчок, – хозяин миновал две ступеньки, а я почему-то засобиралась домой. – У которого. Больше. Не стоит.

Он стоял передо мной, а где-то в другом конце зала мелькнуло платье моей крестницы. Изящные ножки быстренько сматывались, а я даже не успела заметить, как ее платьице мелькнуло в дверях.

– Вы, я так понимаю, та самая крестная фея, которой меня пугали, – на меня смотрели странным взглядом. Слишком пристальным и слишком заинтересованным.

Глава четвертая. Офеительный поцелуй

Это был тот самый неловкий момент, когда плохо говорить об отсутствующих было не только показателем невежливости, но и признаком отменного здоровья.

– Мое почтение, крестная фея, – послышался приятный голос внезапно позади меня, который меня обезоружил, обескуражил и заставил неуютно поежиться в чужом кресле. Как это он так быстро успел? – Я так много о вас наслышан, а теперь даже слегка «навижен»... Чувствую себя огоньком, на который слетела ночная бабочка.

Мне улыбнулись так, что я тут же включила режим «этикетки от этикета»,

– О, вы ошибаетесь, я – не ночная бабочка. Я, скорее, моль. И вы, как шуба, не в моем вкусе, – парировала я, предельно вежливо. Я не успела заметить, как хозяин очутился напротив меня, заслоня собой неуютное пламя камина. Как он так делает? Только что он был позади меня.

Мою руку бережно взяли с подлокотника, а сердце почему-то запротестовало, срочно требуя отдернуть ее от чужих губ и еще и надавать по ним, как следует. Прохладные губы прикоснулись к тыльной стороне моей ладони, а я включила живописца, пытаюсь изобразить на лице неопиcуемый восторг.

– А что конкретно вы про меня слышали? – уточнила на всякий случай я, стараясь быть предельно вежливой и пытаюсь выдернуть руку из когтей, которые ее внимательно изучали, проводя тревожные линии по моей ладони. Мою руку не отпускали, а я начинала нервничать. Нервы были на пределе, а запах вежливости улетучивался с каждой секундой.

– Не хочу вдаваться в подробности, – уклончиво заметил обладатель огненных волос, делая шаг, растворяясь в воздухе и тут же оказываясь по левую руку от меня. – Но мне задушевно рассказывали о том, что вы вытворяете, что хотите.

– О, да. Я – очень творческая личность. Мне постоянно говорят: «Что ты творишь?», – осторожно согласилась я, видя, как его рука и ложится на спинку кресла. Меня пугали перстникогти, которые впивались в обшивку кресла, а потом отпускали, словно хищник добычу. Меня смущали его глаза, в которых застыла спекшаяся кровь, изредка вспыхивая отблеском пламени. Меня напрягали эти высокомерно поджатые губы, соколиный, смертельно бледный профиль и алые всполохи волос, струящиеся по плечам.

– А еще я слышал, – послышался голос хозяина, но уже откуда-то справа, пока я осторожно перевела взгляд. – Что вы нетвердо стоите на ногах и предпочитаете регулярные вливания в недвижимост, мечтая сколотить себе нужное состояние.

Так деликатно мне еще никто не намекал на похождения моей предшественницы! Я вспомнила батарею бутылок возле лежанки, но тут же изобразила ядовитую улыбку.

– А вы, я так понимаю, любите видеть мокрую женщину на коленях, – осторожно уколола я, глазами тонко намекая на ведро, возле которого маячила моя крестница, размазывая грязь по полу.

– Да, я ей сказал убираться. Но быстро и из дома, – произнес хозяин, а я чувствовала уязвленную мужскую гордость, которая махала мне рукой, прячась за каждым словом. – Мне не нужна служанка.

– Ну конечно, – согласилась я, мысленно прикидывая, какая незримая пропасть пролегает между «чудом» и «чудовищем». На всякий случай попробуем протолкнуть крестницу. – Здесь царит идеальная чистота, в которую приползают тараканы, ужасаются и уползают обратно на свалку. Они рассказывают детям, что в мире есть место, куда попадают очень плохие тараканы после смерти, описывая в красках ваш дом. Помнится, крыса застряла в стеной дыре. Ей еще повезло. Она застряла мордой наружу, поэтому не видела этого идеального порядка. Но как отчаянно она шевелила лапками, чтобы поскорее сбежать отсюда... Бедняжка,

хоть умерла счастливой, вдыхая свежий воздух. Вы знаете, с милым хоть и рай в шалаше, но я искренне считаю, что моя крестница заслуживает чего-то посолидней...

– В этом доме раньше жил чернокнижник. И вот буквально неделю назад он переехал, а рекомендательное письмо адресовалось ему, – вежливо ответили мне, пока крестница из всех терла пол, хлюпая тряпкой прямо на плиты.

– Ах, это меняет дело! – согласилась я, поглядывая на крестницу и цепляясь за хрупкую надежду устроить маленький скандал и чужую личную жизнь. – Я тот час же отправлю ее к нему! Милая, собирайся! Мы уходим отсюда!

– Как вы можете! – возразил мне хозяин, стоя надо мной. – Она же еще молодая! Мне кажется, что у вас просто нет сердца...

– Что значит, нет сердца? Разница в возрасте иногда играет на пользу паре! Иногда это даже красиво! Умудренный опытом мужчина и юная, очаровательная девушка – чем вам не пара? – гордо отозвалась я, пытаюсь понять, есть ли в хозяине другие недостатки кроме любви к подслушиванию и характера.

– Ах, какая вы бесчувственная. Неужели в вашей черствой душе не всколыхнулась капелька сострадания к несчастной девушке. Ей бы еще жить да жить! – скорбно опустил глаза хозяин, а я поняла, что нащупала правильную ниточку. Он просто не хочет ее отпускать. Ничего, милая, потерпи. Сейчас фея крестная договорится! И будете вы жить долго и счастливо. Обойдемся без чернокнижника.

– А как же счастье быть вместе? – возразила я, глядя в вишневые глаза собеседника. – Нет ничего прекрасней быть рядом с любимым! Мне кажется, что вы просто лишены романтики...

– Возможно, – озадаченно заметил хозяин, глядя на мою крестницу. – Но не в фамильном склепе, куда переехал чернокнижник, видимо, навсегда. И жили они бы они долго и счастливо, пока добрая фея не взмахнула волшебной лопатой. Я еще никогда не встречал столь доброй феи, как вы.

Мой испанский стыд сменился чувством неловкости. Я, старалась не смотреть на хозяйина, чувствуя, как меня обжигает его взгляд. Что-то мне подсказывало, что пока все нормальные феи трудятся в поте лица, я тружусь в попе лица. Крестница с усердием натирала островок посреди зала, тяжело вздыхая и утирая пот со лба.

– Ну как? – жалобным голосом спросила она. – Мы будем с ним жить долго и счастливо?

– Конечно, будете, – настойчиво заметила я, глядя в глаза хозяйина. Тень надменной улыбки скользнула по его лицу.

– Конечно, будем. Только порознь, – пояснил хозяин, категорически не соглашаясь на мою крестницу.

– Ну как же так! – возразила я, глядя на него с укором. Отдам котенка в хорошие руки – это не про меня. – Красавица, умница, прибираться любит! Что еще мужчине для счастья нужно? Вы только представьте себе на минутку. Уютный дом, любящая жена, чистота вокруг... На стенах висят члены семьи...

– А отрывает их добрая крестная фея, – согласились со мной, снова делая из меня воплощение доброты и милосердия.

– Вы только посмотрите на нее... Она так мила, так прекрасна, что от нее глаз не оторвать, – распинаясь я, пытаюсь устроить чужую личную жизнь.

– Мне не нравятся одноглазые девушки, так что не пытайтесь оторвать от нее глаз, – усмехнулись мне, не сводя с меня глаз. Через полчаса уговоров я уже мысленно составляла милую и лаконичную эпитафию для этого упрямого чудовища, категорически не желающего жениться. Что-то мне подсказывало, что мой дражайший собеседник, на время отпросился из Преисподней, чтобы потрепать мне нервишки.

– Мы начинаем с вами ругаться, поэтому искренне предлагаю поговорить о природе, – предложил хозяин, пока крестница едва ли не перевернула ведро, вытаскивая тряпку и снова шмякая ее на пол.

– Идите вы лесом, – поддержала разговор я, искренне улыбаясь.

– Ну как, дорогая крестная? – сделала самое грустное личико моя крестница. Синоптики передавали слезы и сопли со скоростью три-шесть литров в секунду. – Мы будем с ним жить долго и счастливо?

Ее голосок дрогнул, а я почти ласково посмотрела на страдалицу от тряпки.

– Нет, милая, – я утешала, как могла, чувствуя, как красавица меня почему-то раздражает. – Не будете. Ты будешь жить долго и счастливо, а его я убью минут через пять минут!

Слезы градом хлынули из глаз моей крестницы, а я встала с кресла, подошла к ней и попыталась объяснить, что мне уже пора, что так убиваться из-за состоятельной, но несостоявшейся любви – не самая лучшая идея.

– Ну я же все сделала так, как ты мне говорила! – всхлипывала крестница, глядя на меня так жалобно, что совесть уже наточила зубы. – И зелье ты давала! Я честно ему влила его! Ты сказала, что сразу влюбится!

Мне торжественно достали пустой флакон, на котором большими, но корявыми буквами было написано: «Только для наружного применения! При употреблении внутрь обратитесь к некроманту!».

– И кто это вас учил готовить зелья? Ну-ка, – насмешливо заметил хозяин. – Расскажите мне состав зелья, вызывающего мгновенную любовь?

– Эм... Это феерический секрет! – тут же с умным видом ответила я. – Мы, феи, никому его не раскрываем!

– Ты просто не знаешь, – внезапно перешел на «ты» хозяин, присаживаясь в кресло. – Вот и все. Люди часто прикрывают незнание тайной. Не забывая при этом делать умное лицо... Я так понимаю, что как фея вы не очень...

– Я, скорее, нетрадиционная фея. Зелья – это прошлый век! Берешь кочан капусты, лук, морковку... – перечисляла я, хлопая по спине рыдающую крестницу и рассматривая флакон. «Осторожно, яд». – Соль, сахар, перец по вкусу... Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Милая, ты читать умеешь?

– Нет! – всхлинула крестница, вытирая об меня сопли. – Но зато все говорят мне, что я – красивая...

– Это хорошо, что не умеешь, – согласилась я, брезгливо глядя на флакон с остатками яда и выбрасывая его сторону.

– И... и..., – икала крестница, глотая слезы. – И палочку давала... Заколдованную.... Сказала три раза по его голове постучи, и он сразу в тебя влюбится...

– То есть, до того, как ты стучала палочкой по его голове, он, вероятно, был нормальным? – на всякий случай уточнила я, переводя взгляд на упрямого хозяина. Мне начинает нравиться подход крестной феи. Я ее даже зауважала.

– Ну-ка, фея, – послышался голос хозяина. – Расскажи мне, как зачаровывать вещи?

– Не знаю, у меня пока только белые вещи удается зачаровывать, – огрызнулась я, пытаюсь утешить несчастную наивную девочку. – Только купишь, думаешь, что главное не испачкать! И тут что? Правильно! Не выводимое пятно!

Крестница рыдала на моем плече, а я чувствовала победительницей конкурса мокрые маечки.

– А еще давала волшебный корешок и веревочку! Сказала, что как только привяжу к нему, то есть вероятность долго и счастливо, – проскулила крестница, показывая мне корень

похожий на корень имбиря и тесемочку. – Только я не поняла для чего! Крестная, ты можешь его как-нибудь заколдовать! Чтобы любил меня! И у нас было долго и счастливо!

– Ну, – заметила я, поглядывая на корешок с веревочкой в дрожащих руках. – Долго и счастливо вряд ли, милая. Но быстро и «ты закончила?» вполне вероятно. Пойдем, мы еще за мужиком не бегали! Запомни! Если ты бежишь от любовника, а он за тобой с криком «еще!» то это – хороший любовник, а если ты бежишь за любовником, то это – плохой любовник! Нам такие не нужны! Вот все тебе про мир нужно рассказывать!

– Дорогая крестная, кто сейчас правит волшебным миром? – сузил глаза хозяин. Ага, кто у нас президент и какое сегодня число!

– Анархия! – заметила я, пытаюсь утащить крестницу к выходу из дома и ситуации. Не оставлять же ее здесь? Того и глядишь, у нее есть какая-нибудь недвижимость, а я пока что на правах родственницы поживу с ней. У меня просто выбора нет!

– Крестная! Я хочу долго и счастливо! – задохнулась слезами крестница.

– Милая, ты скажи мне, что нем нашла, – грустненько посмотрела я на несчастную, но безмерно меня раздражающую красавицу. – И желательно где ты это нашла! Я тоже попробую поискать!

– Ты... Ты сама сказала, что нужно..., – икала крестница, провожая взглядом красавца, на которого я уже не обращала внимания. – Нужно лечь спать... И тогда он подойдет и поцелует!

– И? – спросила я, дергая входную дверь. Она была гостеприимно открыта, тонко намекая, что нас никто не держит.

– Я проспала двое суток, и ко мне никто не подошел! – заныла крестница, цепляясь за мою руку, явно не желая уходить. Сама полчаса мне тут рассказывала, что она – несчастная пленница, а теперь что?

– Фея, отвечай. Какими заклинаниями ты умеешь пользоваться? – послышался голос хозяина. Надо сматываться как можно быстрее. Не хватало еще, чтобы меня тут заставили отчитываться, как на экзамене. Холодок пробежал по спине в тот момент, когда я представила, что вместо гномиков – полицейских: «Всем оставаться на своих местах! Сержант Сморчок! Несите стремянку! Сейчас убитцу допрашивать будем!», допрашивать меня будет вот этот бдительный и подозрительный тип.

– Я спросил, какими заклинаниями ты умеешь пользоваться? – повторил свой вопрос хозяин, а его голос далек был от дружелюбия.

– Заклинанием «Пациент, скорее жив, чем мертв!», – отозвалась я, пытаюсь вытащить крестницу за дверь. – Потыкала палочкой и посмотрела на реакцию! Шевелится, значит жив! Знаю заклинание «Ой, что-то под шкаф закатилось!», заклинание «Иди сюда, малыш, поиграем! Неси палку!». Я много заклинаний знаю.

В саду было темно, а прохладный ветерок заставил меня неуютно поежиться. Увешанные паутиной деревья противно скрипели, вызывая у меня горячее желание покинуть это место как можно скорее.

– Преврати его в лягушку! Или прокляни его! Чтобы только я могла снять проклятие! Я сниму проклятие, а он влюбится в меня! – ныла крестница, желая побороться за свое «долго и счастливо».

– Милая, – терпеливо объяснила я, таща ее по дорожке. – Его жизнь и так прокляла. Куда уж больше!

– Почему другие крестные могут сделать «долго и счастливо», а ты нет! – капризничала красавица, топая ногой. – Почему они проклинают, если нужно, а ты не можешь!

– Дорогая моя, – остановилась я на полдороги, видя, как крестница размазывает слезы по красивому личику. – Тебе нужен мужик, который тебя не любит по-настоящему? А если заклинание спадет? Если зелье перестанет действовать? Что тогда?

– Ты новое наложишь! – вредничала крестница, упиравшись и требуя предоставить ей принца с огненными волосами на блюдечке. Я уже начала задумываться, о том, что принц у нас-то с голубой каемочкой, раз не оценил девочку с такими внешними данными!

Я осеклась, глядя на то, как прямо из темных зарослей в нашу сторону почти беззвучно струилась тьма. Я опасливо отошла в сторону, дернув воющую белугой крестницу за руку.

– Моя маленькая бабочка, – произнесла тьма глухим голосом, пока я застыла на месте, не зная, куда бежать. – Иди ко мне. Я заверну тебя в одеяльце и спою песенку... Иди ко мне... Лети сюда, моя маленькая бабочка...

Тьма разрасталась, а я пыталась оттащить рыдающую крестницу, которая уверяла меня, что перепробовала все средства, вплоть до «потерять туфельку». До сих пор найти не может! Туфельку она потеряла! Я тут совесть найти не могу, а она мне про туфельку!

– Беги! – скомандовала я, таща ее за собой вглубь сада. Крестница спотыкалась, требуя, чтобы я немедленно нашла ей пару! Я бы не отказалась от пары нервных клеток. Стоило ей обернуться, как она увидела наползающую черным туманом тьму, закатила глаза и тут же обмякла. Если бы я ее не поймала, то она так бы и упала на черную траву.

– Да что ты будешь делать! – возмущалась я, таща обмякшее девичье тело, шипя на тьму что-то вроде: «Кыш отсюда!». Очаровательная головка крестницы болталась, пока я изо всех сил тянула ее, взяв под подмышки.

– Лети от него, бабочка... Спасайся... – шептала тьма, пытаясь дотянуться до меня, а я яростно отдувалась за какого-то принца, спасая прекрасную принцессу. – Беги от него... Он убьет тебя...

– А ты, видимо, переживаешь, что раньше тебя? – огрызнулась я, вспоминая про бесполезную волшебную палочку, торчащую из шорт. Нет, я могу потыкать палочкой, но что-то мне подсказывает, что толку будет мало. – Пошел вон!

– Он убьет тебя, бабочка, – шептала тьма, надвигаясь со всех сторон. Она выползала из темных зарослей, расстилалась по дорожке, перекрывая нам путь со всех сторон. – Я сумею укрыть тебя... Бедная, маленькая бабочка... В зарослях терновника, в темноте лощины, где растут любимые, нежные цветы... Ты устало ляжешь, плача без причины. Я тебя укурю, одеялом тьмы...

Ага, спасибо! Ты очень располагаешь! Срочно требую бейджики «Хороший» и «Плохой»! Пока что я как-то не очень склонна доверять никому и не настолько устала от жизни. Тьма схватила меня, а я выронила крестницу, которая открыла глаза, вскочила на ноги и с визгом бросилась бежать.

Ничего себе! Темные нити обволакивали меня, запутывали, затягивали. Крылья трепыхались за спиной, а я отчаянно дергалась, в надежде, что удастся вырваться.

– Будешь спать спокойно, маленький цветочек, под листвой опавшей, в сладкой темноте... – шептала тьма, пока я понимала, что приди тьма с таким предложением хотя бы две недели назад, когда на работе был аврал, я бы с интересом рассмотрела предложение!

И тут я почувствовала, как поднимается ветер и вздрогнула от грозových раскатов. Небо собирало черные тучи, которые тут же прорезала сухая молния. Странный, дикий, пьянящий страх заставлял все живое замереть... Порывы ветра разрывали тьму на клочья, но она цеплялась за ветки деревьев, увлекая меня за собой.

Ураганный ветер сметал все на своем пути, гром ужасающими раскатами оглушал, а мне казалось, что в этом вихре слышно ржание коней, крики и смех... Пьянящий ужас чего-то перевозданного, первобытного пугал куда больше, чем тьма, которая пыталась оторвать меня от дерева, за которое я вцепилась. Сквозь бурю я слышала пронзительный охотничий рог, вызывающий столько ужаса, сколько я никогда не испытывала в жизни.

Мне страшно было смотреть в небо, а я впивалась пальцами в кору дерева. Огромный вихрь нес по небу призрачных всадников, впереди которых бежали страшные псы, пронзительно и хрипло лая.

– Отпусти! – послышался опьяненный азартом крик, а я увидела, как на огромном черном коне со светящимися алой тьмой глазами, восседал хозяин дома. Его алые волосы стелились по ветру, словно языки пламени, его огненный плащ был изодран, а сам он был закован в тяжелые, ужасающие доспехи, напоминающие мертвую плоть. Конь встал на дыбы, рассекая тьму, а всадник ловко удержался в седле. Тяжелые копыта обрушились рядом, а тьма разошлась, словно черная пыль. Оскал черного, огромного и страшного коня заставил меня слегка пересмотреть детские книжки, в которых правильные лошадки любили сено. Эта лошадка, если и тянулась к сену, то исключительно с целью откусить руку тому, кто его протягивал.

Не знаю, кто меня больше пугает, конь, который с удовольствием схочмячит тех, кто плохо бегают, или бледный, лихой всадник с огненными волосами, который схватился за меч, рассекая черные ленты тьмы.

– Не отпускаю... Ты не отнимешь ее у меня, – прошептал голос из темноты, а у меня по телу побежали мурашки. Такое невозможно передать двумя словами цензурными словами. И даже тремя нецензурными сложно. – Ты больше никого не отнимешь у меня...

Сердце сжалось в тот момент, когда меня дернули во тьму, а сверкающий огненный наездник и его молчаливая призрачная свита, рассекали в странном танце с мечом черные ленты.

– У тебя не хватит сил, – прошептала тьма, обволакивая нас со всех сторон. Мне на горло легла черная лента клубящейся тьмы, заставляя сделать инстинктивный, судорожный вздох. – Ты давно не ...

Продолжение я не услышала, чувствуя, как меня пытаются вырвать из цепких и липких лап осязаемой темноты, буквально вырезая из тьмы и отсекая ту самую удушающую ленту.

– Ты почти, как они, Альбераунт... Ты почти мертв... Недолго тебе осталось... Жизнь угасает, – злорадно шептала тьма, не желая отдавать свою добычу. Она устремлялась все новыми щупальцами ко мне, пока я прикидывала, куда бежать и где прятаться.

Сверкающий меч прорезал тьму, огненные волосы стелились по ветру, яростно сражаясь за мою жизнь. Лицо его становилось бледнее с каждой секундой, а меня пугали молниеносные движения, от которых рябило в глазах. Мгновенье он был передо мной, а стоило мне моргнуть, его меч мелькнул слева, рассекая черные щупальца тьмы, которые тянулись ко мне.

В какой-то момент тьма обволокла нас, поглощая полностью и заслоняя собой весь мир, а я почувствовала, как меня схватили, прижимая к себе одной рукой. Я уткнулась в жесткий доспех, напоминающий миру о том, что есть диеты, на которые не только садятся, но и ложатся.

Меня сжали так, что у меня перехватило дыхание, а я подняла глаза, видя такую бледность лица, от которой стало не по себе. Полупрозрачные губы, заостренные черты лица, запавшие, как от ряда бессонных ночей.

– Ты потратил слишком много сил, Альбераунт, – шептала тьма, а мне чудилась дикая пляска под какой-то первобытный мотив. Словно меня захватил какой-то страшный хоровод, вращая и не отпуская. – Тебе конец...

Я с ужасом смотрела на то, как бледное лицо становилось похожим на застывшую маску. Казалось, вся жизнь, все краски покинули его. Черные нити, как след ожогов ползли по бело-снежной коже, а я попыталась отшатнуться, оттолкнуть его, чувствуя могильный холод, от которого накатывал первобытный страх. Вишневые глаза смотрели на меня так пристально, а рука в перчатке поймала меня за подбородок. Сверкающий клинок в другой руке померк, оставляя нас в кромешной темноте, от которой накатывал дикий ужас.

– Альбераунт, – отовсюду шептала тьма, а я зажмурилась, не желая верить в то, что происходит, дабы сберечь очень нервную систему. – Ты слабеешь и угасаешь... И твоя Дикая Охота тебя не сможет защитить...

Он словно раздумывал, тяжело дыша и глаза мне в глаза, а я не понимала, почему он склонился ко мне. Его слабое дыхание, словно угасало, и я едва чувствовала ветерок на своих губах. Мир превратился в безумный хоровод, который кружился в пламени чужих волос.

Стиснув зубы, он сжал меня, чтобы через мгновение склониться надо мной в жадном, страстном и каком-то диком поцелуе. Животный, алчный, ледяной поцелуй впивался в меня, заставив покачнуться. Мои руки уперлись в холодный металл доспеха, а я изо всех попыталась оттолкнуть его, но чужие губы начинали теплеть, наполняя тело сладкой, терпкой, приторной и обволакивающей негой, от которой руки ослабели. Я уже трепетно ловила каждый вздох, каждое, даже едва осязаемое прикосновение губ. Ноги подкашивались, мир крутился бешеным калейдоскопом. Его губы снова и снова, с яростью и необузданной страстью раздвигали мои, даря необъяснимый, пьянящий восторг, блаженство и дрожь, пробегающую волнами по всему телу. Мне казалось, что я едва стою на ногах, и что если он отпустит меня, я упаду на землю. Он, словно высасывал из меня жизнь, сжимая изо всех сил, и вместо сил с каждым жадным порывом приходила сладкая пьянящая теплота.

– Яд поцелуя так легко, – шептала тьма, пока меня держали на одной руке. – Сердца сбивает с толку. Как жаль, что ты теперь его... Как жаль, что ненадолго...

Глава пятая. Мечты накрылись холмиком

Меня потянули за руку, забрасывая на того самого плотоядного коня, который яростно рассекал копытами тьму. Не смотря на то, что предложение казалось очень заманчивым, и можно будет когда-нибудь рассказать о нем внукам, причмокивая вставной челюстью, я категорически упиралась, подозревая, что после пяти минут в седле рассказывать будет уже некому.

– Пусти! – из последних сил выкручивалась я, яростно награждая пинками спасителя. – А лучше скажи адрес! Я туда пешком доберусь! Да что ты творишь! Позу наездницы я практикую только там, где есть подушки!

– Трогай! – послышался глухой голос, а хозяин с нежным именем Альбераунт, лихо ударил коня ногами и тот встал на дыбы. Черный дым стелился, наполняя вокруг нас и обволакивая нас со всех сторон... Грозный конь ударил копытами, а я сжалась и завизжала в тот момент, когда кавалькада стала набирать высоту. Раскаты грома сотрясали небо, сверкающие молнии прорезали черно-серую дымку облаков, окутывающих нас.

– Аааа! – заорала я, видя, как наш конь рассекает хмурые тучи. Меня прижимали к себе, а я чувствовала, как ветер застилает глаза и вырывает волосы.

– Аааа! Дикая Охота! – верещали откуда-то снизу, а я сквозь пелену клубящихся туч видела разбегающихся людишек.

– Помогите! – пищала я, чувствуя, как меня сдувает с седла, а я вцепилась в Альбераунта, как в родного. Его улыбка напоминала опьяненный азартом оскал. Его глаза сверкали, а конь ускорился.

– Помогите! – орали снизу, а ветер доносил перепуганные голоса.

– Помогите! – пищала я, пытаюсь зажмуриться и сплюнуть собственные волосы, набившиеся в рот, когда конь полетел на такой скорости, что у меня в зобу дыхание сперло.

– Опять кого-то похитили! Дикая Охота снова похищает людей! – кричали люди снизу, а до моих ушей донесся тревожный набат. Вы-то чего орете? У вас там есть земля!

Кони взяли курс куда-то вниз, а мы пошли в крутое пике. Я чувствовала себя котенком, который мечтает стать чьей-то шипящей шапкой. Впервые Дикая Охота сопровождалась дикими визгами!

– Тормози!!! – визжала я, а земля неумолимо приближалась, а я мысленно представила мужиков с лопатами, которые отскребают поутру последствия моего «Я же предупреждала!». Все! Мы сейчас в оладушек! А потом какая-то сволочь обязательно скажет: «Смотри, какая кобыла была с крыльями!».

Земля разверзлась в последнюю минуту, кони нырнули в изумрудную зелень холма, проносясь сквозь сгустки сизой дымки, а я так и застыла с открытым ртом, чувствуя, как сердце все еще колотится в груди. Меня сняли с коня, поставили на странную траву, а я неловкой покачнулась и упала, целуя каждую травинку, цветочек и так далее. Еще ни одна фея так не любила природу, как та, которая прокатилась вместе с дикой охотой. Да – да, и ты – самая замечательная травинка на свете...

– Адрес укажите, пожалуйста, – спросила я, немного отойдя и сумев наконец-таки подняться на ноги.

– Графство Голуэй, Холм Кнок Ма, – послышался голос, а надо мной склонились, вежливо подавая руку.

– Нет, спасибо, вы можете ехать. Сколько я вам должна за спасение и поездку? – вежливо улыбнулась я, всем видом давая понять, что предпочитаю любить природу в одиночестве. После такой скачки мне не терпелось выразить всю любовь вон в тех кустиках. Черные всадники улетучились, конь растворился в воздухе, а меня подмывало уточнить места его возможного пастбища, чтобы на всякий случай любить природу как можно дальше.

Альбераунт, протянул мне руку в перчатке. Над нами простиралось странное небо, на котором не было видно ни солнца, ни звезд, ни луны. Казалось, что здесь, внутри холма мир застыл в вечных фиолетовых сумерках. Из-за этого все вокруг: кусты, деревья, трава приобрело уныло-загадочный оттенок.

Я смотрела на огромную руку, прикидывая, что туда можно положить, кроме вежливости. Я пошарила по карманам, вытаскивая сломанную волшебную палочку и сосредоточенно влезая в такие недра, что путешествие к центру земли показалось прогулкой за хлебушком в соседний магазин.

– Одну минутку! – авторитетно заметила я, азартно шаря под подкладкой кармана шорт и нащупав там резиночку для волос с розовым бантиком, несколько семечек, видимо, уже стиранных, и пять рублей с какой-то сдачи.

– Вот! – удовлетворенно вздохнула я, ссыпая в руку все, что было найдено по карманам. Штук пять семечек, пушистая от регулярного использования резиночка, один леденец, который я не помню, пять рублей и большое спасибо. – Собственно, все, что есть.. Ладно, до свидания! Удачного дня!

– Это что? – вишневые глаза расширились до невероятных пределов, глядя на мои сокровища.

– Это маленькое спасибо от меня, – пожала плечами я, пока с меня не сводили удивленного взгляда. – Или вы рассчитываете на что-то большее?

– И куда же пойдешь? – глухо произнес рыцарь с огненными волосами, пока я осматривала окрестности.

– Предположительно туда! – ткнула я пальцем в красивую арку из цветов. Огромные, яркие, душистые цветы оплетали роскошную кованую арку, а среди лепестков прятались маленькие светлячки.

– Пойдем, – почему-то грустно произнес Альбераунт, отворачиваясь. – Я поклялся, что каждая, кого постигнет эта участь, будет самой счастливой женщиной на свете.

Я осмотрелась по сторонам, в надежде, что мимо будет идти хоть какая-нибудь сердобольная женщина, которая подберет влюбчивого рыцаря. Но никого не было, поэтому я тяжело вздохнула, закатывая глаза.

– Послушай, – терпеливо заметила я, глядя на мужика с сочувствием. – Как бы тебе так объяснить... Я не готова по вечерам играть с тобой в шахматы... Но как только почувствую свою готовность к шахматному турниру, я тебя обязательно найду!

– Если тебе все равно, куда идти, почему бы тебе не пойти со мной, – настойчиво предлагали мне, пока я мысленно представляла долгие совместные вечера. «Шах!», – говорили мне, пока я мысленно представляла опухавшую вокруг нескромной огненноволосой персоны. «Мат!», – мрачно отзывалась я, с грустью понимая, что гарем мой шах собирать не будет. Смысл ему лишний раз расстраиваться? Но если шутки в сторону, то он красив, умен и так далее, но я здесь не для того, чтобы заводить отношения.

– Знаешь! – тут же взбодрилась я, вспоминая старые сказки и заводя отношения в глухой угол. – Я, как любая приличная девушка, всегда мечтала о принце! Меня интересует исключительно обладатели короны, трона и замка! Понимаешь, я очень амбициозная девушка, поэтому на тех, кто «не принц», размениваться не собираюсь! Но ты не расстраивайся! Ты обязательно встретишь хорошую, добрую, замечательную, красивую девушку...

– Ты уверена? – послышался голос, а брови Альбераунта нахмурились. Странно, вот, сколько здесь сию, ни дуновения ветерка. Ничего. Небо, как было подернуто фиолетовой сумрачной дымкой, так и оставалось, однако сквозь волшебные облака проступали мириады чего-то светящегося, похожего на звезды.

– Ну конечно! – закивала я, пытаясь придать голосу хоть немного убедительности. – Я же – крестная фея? Почему бы мне не взять себе вместо крестницы – крестника?

– Это же замечательно! Мне, добрая крестная, пожалуйста, карету из тыквы, но подвеску я проверю лично, платье и хрустальные сапоги сорок седьмого размера! – Альбераунт смотрел на меня в упор, а его губы дрогнули в улыбке.

– А может, ты просто поспишь в заколдованном замке? – предложила я самый простой вариант. – Чем не вариант? Все, иди, выбирай себе замок, я его заколдую, и все у тебя будет замечательно.

– Сомневаюсь, что красавицы побегут меня расколдовывать, – надменно заметил рыцарь, а меня что-то кольнуло в груди, когда я скользнула взглядом по его широким плечам и могучему торсу, закованному в зловещие доспехи.

– Ты во мне сомневаешься? Я – маркетолог! Сначала распространю легенду, потом расскажу, что женится, как миленький, потом шепну кому-нибудь на ушко нескромную цифру и вуаля! Но для того, чтобы ты встретил свое счастье как можно скорее, я устрою акцию! Первой, кто расколдует принца – дворец в подарок! Просто мы сразу о дворце говорить не будем, скажем, что ты в чужом дворце решил поспать! – расписывала я свой гениальный план. – И в самом конце «Скидки для красавиц. Только сегодня! Последний день, когда вы можете устроить свои личное счастье! Один принц по цене двух!».

– А может, два по цене одного? – поинтересовался Альбераунт, пока я разглядывала изумительно красивые цветы на кустике.

– Во-первых, большинство красавиц умеют только считать себя красавицами, а во-вторых, зная твой талант действовать на нервы, ты действительно стоишь двоих! – улыбнулась я. – Все, милый, иди, выбирай замок! А я пока по делам схожу! Ложишься на бочок и считаешь: «Раз принцесса, два принцесса, три принцесса...».

Я двинулась в сторону арки, но никто не бросился за мной с криками: «Стоять, любовь всей моей жизни!». Так я и знала! А, впрочем, ничего нового!

– Заодно и корону завоюю, – улыбнулась я, не оборачиваясь. Я еще за мужиками не бегала! Жизненный опыт подсказывает, что бегать за мужиками – дело неблагодарное, а те, кто действительно настроен серьезно, проявят настойчивость. Я прекрасно видела, с каким лицом мне предлагали последовать за ним. Не люблю, когда мне вместо предложения делают одолжение!

Когда я обернулась, несостоявшегося принца уже и след простыл. Я пожалала плечами, глядя на арку цветов, словно замороженная. Красивая дорожка из камней, напоминающих звездное небо, отполированная до блеска вела к вдоль живой изгороди к маленькому фонтанчику, который задорно журчал, выбрасывая вверх хрустальные струи воды. Неподалеку от фонтана, под розовым кустом, была ажурная скамеечка, на которую я взобралась с ногами, думая, что делать дальше.

– Нет, – закусила я губу, видя сверкающие брызги и переводя взгляд на пыльные ноги. – Мне здесь определенно нравится больше, чем дома. Я пересела на мрамор, свешивая пыльные ноги в хрустальную, прохладную воду и стирая с них грязь. Понимаю, что это неприлично, но ходить Золушкой я тоже не собираюсь. Мокрые ноги сохли, а я ловила руками струйки, умывая лицо и руки.

– За ВВС! – усмехнулась я, встряхивая воду с пальцев и оборачиваясь на свои крылья. – За Волшебно Воздушные Силы!

От нечего делать, я сорвала цветок, который нависал прямо над фонтаном, задумчиво обдирая лепестки и думая над тем, куда дальше идти и что делать.

– Остаться на месте! – рявкнул голос позади меня, а я удивленно обернулась, стряхивая с колен лепестки. – Любая попытка к бегству расценивается, как отягчающие обстоятельства!

Я обернулась, видя высоких стражников, закованных в алую броню, которые нависали надо мной. На голове у них были шлемы, а в руках самые настоящие копья.

– Попытка убийства и расчленения! – произнес ближайший, а я отчетливо видела золотые волосы, которые выбивались сверкающими прядями из-зиз-под шлема. Так, а откуда они узнали про фею? Есть ли здесь адвокат? Сколько стоят его услуги? Эти и другие вопросы вертелись в моей голове, когда я осознала, что волшебная полиция все же существует!

– Я буду говорить только в присутствии своего адвоката, – начала я, отодвигаясь от них подальше и прикидывая, куда дать деру. – И ничего подписывать не буду! Только в присутствии адвоката!

Так, а то, что у меня выросли крылья, считается попыткой расчленения? Двое остались со мной, хранящей скорбное молчание, а третий куда-то исчез.

– Вот! Держи свое авокадо! – мне на руки упал зеленый плод, а я подняла брови и с явным интересом посмотрела на волшебную полицию. – Теперь поговорим! За что ты пыталась убить растение?

Я посмотрела себе в руку. Ну, милый авокадо, за что я пыталась убить растение? Есть какие-то предположения? Считается ли покушением на убийство попытка сорвать цветок? Авокадо хранил молчание. Я решила помочь ему в этом нелегком деле.

– Ему же больно! – сурово произнес один из стражников, показывая на остатки цветка в моей руке. Где-то орал благим матом огурец, рыдал, умоляя пощадить, помидор, но салатика страсть как хотелось, поэтому вслед за ними на гильотину отправилась зелень! Да они что? Издеваются? Ну, авокадо, есть какие-то оправдания?

– Извините, я не хотела! – удивилась я, рассматривая оборванные лепестки и переводя взгляд на суровых блюстителей растительного покоя. – Больше так не буду!

– Ты оторвала у растения возможность размножения! – сурово нависали надо мной стражники, пока я по-другому смотрела на слово «членовредительство». – Ты же сама фея. Ты должна понимать!

– Это новенькая. Из Академии, – заметил стражник, осматривающий место преступления. Я дождусь того момента, когда они мелкими будут обводить «труп». – Дикая фея не знает наших законов. Думаю, что на первый раз мы ее простим. Я понимаю, что в своем, человеческом лесу ты не спрашивала разрешения у растения, когда обрывала цветы, но здесь принято спрашивать.

– Хорошо! – кивала я, понимая, что платить авокадо я не собираюсь. – Я обязательно спрошу разрешения в следующий раз!

– А теперь извинись перед кустом! – потребовала стража, а я посмотрела на фиолетовые листики, потом перевела взгляд на авокадо. – Извинись, и мы тебя отпустим!

Я чувствую, что после такого меня не скоро отпустит! Набрав воздуха в грудь, я выдала: «Простите, пожалуйста, я больше не буду!».

– Куст не принял твои извинения, – покачал головой ближайший, а я встала, отряхивая лепестки, посмотрела куда-то вверх, собираясь с духом и мыслями. Не слишком ли я плохо извиняюсь перед кустиком?

– Многоуважаемый кустик, – начала я, чувствуя, как дергается глазик. Для того, чтобы подобрать слова, нужно для начала подобрать челюсть.– Да не отсохнут у тебя веточки, да преумножаться твои цветы... Так правильно?

Мне кивнули, а я тяжело выдохнула, продолжая свои извинения.

– Да распустятся твои лепестки, радуя нас и радуя глаз! Прости меня за то, что ... хм... «обесчленила» тебя, – продолжала я, глядя на лепестки и листья потерпевшего. – Я не хотела... Так получилось! Я обещаю, что больше такого не повторится, поэтому прими мои глубочайшие извинения. Если хочешь, я могу приделать тебе остатки цветочка обратно, а если нет, то готова показать, где спрятан труп...

Стражник взмахнул рукой, а оторванные лепестки собрались вместе и на том месте, откуда я сорвала цветок, снова появилось сочное соцветие. Внезапно, я увидела волшебное сияние, отшатнулась от него, а вокруг меня завертелись лепестки, а в моей руке лежала маленькая белая роза.

– Спасибо, – удивленно прошептала я, понимая, что этой весной абрикос под окнами устроил просто масштабную и беспрецедентную акцию! Стража исчезла, а я задумчиво смотрела на маленькую розу, трясая головой и не веря в то, что вижу.

Рассматривая цветок, и поглядывая на кусты, я брела по дорожке, в надежде, что она куда-то выведет меня.

– Простите, пожалуйста – обратилась я к кусту, а лучше бы к доктору. – А не могли бы вы дать мне цветок? Я прошу вас...

Я недоверчиво застыла, осматриваясь по сторонам. Надеюсь, меня никто не слышал! Ветка наклонилась к моей руке и уронила на протянутую ладонь еще один цветочек. Вы это видели? Я трясла головой, глядя на еще один цветок в моей руке. Нет, ну, как за вишнями, так сама со стремянкой и ведром.

Дорожка уводила меня к огромному дворцу, при виде которого захватывало дух. Я смотрела на острые шпили башенок, сверкающий камень, который в лучах призрачного света искрился, как первый снег.

– Вот вы где! – послышался скрипучий женский голос, на который я удивленно обернулась. Передо мной стояла старенькая, разукрашенная, как матрешка, фея-моль, с потертыми крыльями, в серой шали и огромных очках. Напоминала она стрекозу, которая села на муравейник, потому что волосы цвета авокадо возвышались над ней кустом. В них были понатыканы цветы, а я пыталась понять, как это все держится.

– А ну быстро маши крылышками в сторону Академии! – грозно прикрикнула старушка., размахивая палочкой. – Давай, ленивая гусеница!

– Дамочка, успокойтесь, – хладнокровно произнесла я, видя волшебную палочку в сухоньких руках. На сморщенных руках были кружевные митенки, а из волшебной палочки посыпались искры.

– А ну марш в замок! Нечего тут разгуливать по королевскому саду! – послышался ее голос, а я очутилась в огромном зале. Еще одна старенькая моль сидела и заполняла какие-то бумаги.

– Еще одну привела! – послышался голос моли, которая сопящим конвоиром стояла за моей спиной. – Имя!

– Лиля, – пожала плечами я, осматривая других феечек, которые выглядели так, словно собрались на бал. Розовые, голубые, зеленые, фиолетовые платья сверкали капельками росы, а роскошные, яркие крылья сливались в пеструю ленту.

– Не Лиля, а Лилит! – ворчливо поправила меня старая фея, сидящая за огромным столом. Волшебное перо выводило мое имя в каком-то длинном списке. Я пожала плечами, рассматривая дивное убранство зала. Мне казалось, или деревья выросли в стены, сливаясь с ними, а сухую кору облюбовали светлячки? Я положила руку на кору, понимая, что это вовсе не дерево, а камень, покрытый фиолетовой краской. Зал куполом уходил вверх, где предполагаемые кроны обнажали кусочек яркого звездного неба. Пол искрился звездной пылью, я щурилась на огромную люстру, похожую на сплетение рогов и веток, в которую вплетались сверкающие огни.

– Дорогие феи, меня зовут Мелюзина, – гордо произнесла старушенция с кустом на голове, пошевелив ветхими крыльями. – Да, да... Та самая, Мелюзина!

– Ох, ничего себе! – зашептались феечки, испытывая какой-то феерический восторг. – Та самая!

Я что-то пропустила? Когда у них тут был корпоратив? В последний раз у нас так засветилась «та самая Людмила Семеновна», трянувшая стариной перед начальством и показавшая им такую бухгалтерию, что нам, молодым и не снилось. А я говорила, что не надо включать хиты шестидесятых, но мне не верили!

– Мы находимся во дворце его величества, короля Оберона! – пафосно пояснила «та самая Мелюзина», с благоговейным трепетом. А мимо нас пробежали служанки: «Готовьте платья! Готовьте украшения!». – Он правит всей волшебной страной и миром! В его руках сосредоточена власть над всем сущим! По одному его слову в мире людей меняются династии. Одного его кивка достаточно, чтобы принц взошел или на престол, или на эшафот! Одного его взгляда вполне хватает, чтобы остановить кровопролитную войну, среди людей! Его величество много веков защищает наш мир от мира людей, а короли и принцы – это всего лишь наместники магического мира!

Да-да-да. Я молча кивала, уныло глядя на чужие платья и терпеливо ожидая, когда в зал занесут дедушку на последнем издыхании, а потом вынесут под наши дружные аплодисменты. «Готовьте отдельные покои! Она вот-вот прибудет! Все должно быть сказочно красиво!», – командовала какая-то фея, осматриваясь по сторонам. «Бедная! Как мне ее жаль!», – вздохнула служанка, опустив крылья, но ее тут же направили украшать комнату цветами. «Все должно быть сказочно красиво! Я не шучу! Волшебное! Изумительно! Быстрее, чтобы крылышки сверкали!», – хлопотала фея-служанка, командуя другими феями. В зале шли какие-то приготовления, а я с удивлением смотрела, как по залу распускаются цветы, украшая безжизненные деревья.

– Каждой студентке милостью Оберона предоставляются отдельные покои, еда и гардероб, – перечислила тетя Зина, не обращая внимания на общую суматоху. Неплохо! Вопрос с ночлегом как-то сам собой решился! Настроение немного приподнялось, посмотрело по сторонам и тут же опустилось.

– А милостью Оберона нам предоставят ванную? – поинтересовалась я, не говоря про туалет.

– Все вам предоставят! – авторитетно кивнула Тетя Зина, описывая радужные перспективы обучения. «Побольше светлячков! Чтобы искрилось!», – бегали и порхали служанки, а я с восхищением смотрела на то, как тронный зал загорается огнями.

– И в конце обучения вы станете вершить судьбы мира людей! К вашим словам будут прислушиваться короли и королевы, принцы и принцессы, советники и министры! Поэтому вы должны заботиться о выбранной крестнице с первых дней! Вы должны ей стать родной матерью! – Мелюзина обернулась, а мимо нее несли роскошную гирлянду. – Не отвлекаемся, девочки!

– Это нам? – спросила какая-то наивная, жизнью не битая, душа. – Это в честь нашего поступления в Академию?

– Вот, принесли плащи для будущих крестных фей! – послышался звонкий голос, а я обернулась, протянув руку. – Вы будете жить в мире людей, поэтому крылышки придется скрывать. Привыкайте к тому, что люди не очень любят фей!

Какая красота! Мне казалось, что я держу в руках звездную ночь. Казалось бы, смотришь на черную ткань и ничего особенного, но стоит ею пошевелить, как по ней пробегают маленькие звездочки. Рядом уже шелестели такие же точно плащи.

– Надевайте! – приказала Мелюзина, пока я застегивала свой плащ на груди. – И не забывайте про капюшоны! Теперь это – ваша форма!

– Крыльям неудобно! – слышалось нытье и жалобы. – Как же их расправить-то? А если подогнуть? Ай! Я всю пыльцу стерла! Бедные мои крылышки!

Отлично! Я осмотрелась по сторонам, натягивая капюшон. Ну все, теперь можно смело откреститься от нас. На меня смотрел такой же любопытный капюшон, а из-за него выглядывал еще один.

– Так для кого это все? – нервничали феи, оборачиваясь на бегущих слуг, к которым присоединилась стража. «Ищите ее! Оберон с вас головы снимет!», – кричала стража, расходясь по замку. Вот бы мне так потеряться! Молодец! Просто девушка – колобок! И от короля ушла, и от слуг ушла, и от стражи ушла! Беги, милая, беги!

– У нас сегодня очень важная гостья, поэтому прошу вас проявить к ней почтение и уважение! Она прибудет сюда с минуты на минуту! Видимо, она – человек, так что я прошу вас проявить сдержанность! – строго произнесла старушеница, потрясая у наших носов волшебной палочкой, чтобы мы не отвлекались. – Я вам настоятельно рекомендую, не разговаривать с ней лишний раз. Оберон страшен в своем гневе, если узнает, что вы как-то ее обидели...

К нам подошел стражник в алых доспехах, осматривая наш звездный гарем, а потом протянул руку к Мелюзине.

– У вас тут чужих нет? Людей, например? – прищурился он красивыми глазами, который были видны сквозь прорези. Я посмотрела по сторонам, в надежде, что чужой не вылезет из кого-то поблизости. – Списки учениц! Приказ Оберона!

Феи притихли, а Мелюзина подала список, нервно поджимая губы. Нас пересчитали, как цыплят по головам, на том решили успокоиться. «Снимите капюшоны!», – скомандовал стражник, отдавая списки обратно. Мы дружно сняли, а он посмотрел на нас, отмахиваясь, мол, все, надевайте обратно.

– Девочки, среди нас чужих нет? – на всякий случай спросила старая моль, кутаясь в свою шаль, напоминающую паутину. «Нет!», – дружно ответили мы, а во дворце тем временем нарастала паника. «Где она?», – причитала зеленая фея, заглядывая под ткань, которая украшала стену.

– Его величество поубивает нас! – бегали служанки, пока стража громыхала доспехами, разбиваясь на группы. «Нашли?», – с надеждой спрашивали друг друга слуги, снова разбегаясь и разлетаясь.

– Ничего, – пообещала нам Мелюзина, собирая нас в кучку, подальше от суеты и криков. – Сейчас найдут! Успокойтесь, мои куколочки! Лилит! Стой смирно, как и подобает крестной фее! Ты же будущая крестная! Не приваливайся к колонне! Помни! Феи должны держаться с достоинством!

– Достоинства нам тоже выдадут или самим отрывать придется? – спросила я, глядя на старушку, которая проверяла свою волшебную палочку. Тоненькая, черная с голубыми прожилками палочка, выдала сноп искорок, осыпавшихся на пол.

– Лилит! Я смотрю, что вы – самая невоспитанная из фей! – заметила Мелюзина, строго глядя на меня. – Вот превращу в лягушку – будешь знать! И пока принц тебя не расколдует, будешь квакать на болоте! Ой, намучаюсь я с тобой! Но ничего, и из тебя тоже получится крестная!

– В саду смотрели? – орал кто-то, а мимо нас стрелой летела красивая фея, бледная, как мел. – Ищите! Скорее! А вы? Ах, да! Будущие феи-крестные! Сейчас сообщу его величеству! Просто у нас тут такое! Потерялась девушка! Ищем ее уже всем дворцом! Его величество очень зол! Просто ужасно зол!

– Что-то его величество сегодня не в духе! – покачала головой тетя Зина, а мимо нас в панике пронесся очередной поисково-орательный отряд, выбегая из дворца. «Нигде нет!», – отрапортовала стража командиру, который расхаживал в тронном зале, подметая плащом пол.

– Ой, а что это девушка? Это его невеста? – спросил любопытный голосок позади меня. Все оживились, а кто-то рядом хихикнул.

– И как бы да, и как бы нет. Понимаете, король очень ... древний ... и ... эм..., – задумчиво и грустно произнесла Мелюзина, вздохнув. – Вот все вам нужно знать! Скажем так, это – его ночная бабочка!

Что? Ночная бабочка? Да ну вас! Беги, красавица, беги!

– Ночная бабочка? – удивленно переспросили ученицы, пока я мысленно желала девица попутного ветра в спину.

– Да, это – та девушка, которая отдает ему свою жизнь, – негромко произнесла Мелюзина, почему-то погрузнев. – Срок жизни ее, увы, не долог. Именно ее силы удерживают его величество на грани жизни... Именно она вдыхает в него жизнь... Это как паук и бабочка...

Я бы уже пятками сверкала, представляя, как предстоит вдуть жизнь в старые мощи! Никогда я так не переживала за ту несчастную беглянку, а каждый крик стражи «Нашли?», вызывал у меня надежду, что все-таки нет!

Мы терпеливо ждали, а паника внезапно стихла. Стража встала на свои места. Зал засверкал яркими огнями, которые слепили непривычные к такому свету глаза, а нас вытолкали в центр зала.

– Его величество, король Оберон! – послышался голос, а я терпеливо закатила глаза, мысленно разрешая вносить дряхлого старца, от которого сегодня сбежала невеста. В зале стало тихо-тихо, а потом послышались шаги. Я встала на цыпочки, чтобы посмотреть, как вползает на огромный трон, увитый цветами и украшенный драгоценными камнями, дряхлая феерическая немощь.

Шаги приближались, а в абсолютной тишине мелькнул ослепительный алый плащ, кровавой рекой расстилающийся по сверкающим белизной ступеням. Чувство смутной тревоги охватило меня, а я оперлась на плечо какой-то феи, глядя на кровавую реку ткани. Я удивленно подняла брови, глядя на его обладателя. Перед нами стоял Альбераунт в алом костюме. Его волосы были разложены огненными водопадами по плечам, а голову венчала причудливая корона из серебра, цветов и самоцветов.

Я что-то говорила ему про принца? Он что? За полчаса успел завоевать корону? Тут два варианта, либо наш рыцарь принял все очень близко к сердцу, либо у меня появилось увлекательное и опасное хобби хамить особам королевских кровей! Отличный мужик! Сначала совесть потерял, потом девушку!

Глава шестая. Девушка с татуировкой паутины

– О, ваше величество! Позвольте представить будущих крестных фей! – тут же сориентировалась Мелюзина, пытаясь на старых крыльях подлететь к трону и отвесить реверанс. Тяжелый взгляд Оберона тонко намекал притихшим придворным, что он тоже готов что-то отвесить, а сдачу, они смогут оставить себе на похороны. Он сидел, вальяжно развалившись на троне, закинув ногу на ногу.

– Я так счастлив, я так рад, – произнес Оберон голосом, от которого в штанах присутствующих привалила свежая порция радости.

– Он скажет вам напутственное слово! – жизнерадостно произнесла Мелюзина, делая губки бантиком. Пока что вместо напутственного слова был напутственный взгляд, тонко намекающий всем, куда им нужно идти. Что-то он огорчился немного, обводя присутствующих очень нехорошим взглядом.

– Мы обыскали сад, – послышался тихий голос, а перед тронном застыл стражник в поклоне. – Ее нигде нет. Мы продолжаем поиски, ваше величество. Не прекращаем ни на минуту.

– Дорогие мои феи, – произнес Оберон, глядя на нас. Я уже приготовилась к тому, что король зайдет издалека. О том, как в детстве окно разбил во дворце, как его в угол ставили, о том, как аллергией болел на цветы и так далее, и, собственно, как все ораторы. – Предупреждаю сразу. Стоит кому-то из людей обидеть любую из вас, а вам три раза произнести мое имя вслух, я уничтожаю все живое в радиусе тридцати лиг. Разбираться буду после.

Я стояла, начиная понимать, откуда столько феерической любви и обожания к власти. Мысль о том, чтобы подарить ему книгу «Как обрести спокойствие», я отмела, поскольку на ней осталось немного феи, а у меня – инстинкта самосохранения.

– Но люди не бесконечны, так что учитесь хорошо и не доводите до крайности, – спокойно произнес Оберон, а я смотрела на него совсем другими глазами. – Если с вами что-то случится, пощады не будет. Считайте, что вы защищаете людей от меня, делая так, чтобы они лишний раз не лезли на рожон. Вы прекрасно знаете, на что я способен. Люди непонятливы, так что мне приходится писать историю человечества кровью. Ваша задача – сделать для нее красивую волшебную обложку. С цветочками, рюшами и бантиками.

– Да, мои куколочки! – закивала Мелюзина, поджимая губы и подгоняя нас к выходу. А что? Аудиенция уже закончилась? Я вот не могу понять, что раньше закончилось, Аудиенция или терпение моего состоявшегося и состоятельного крестника, но нас уже стайкой гнали по коридору. Я засмотрелась на потолок, усеянный светлячками, а меня втокнули в аудиторию в которой стояли парты и стулья, похожие на пеньки со спинками. Парты, казалось, вросли в пол, а по некоторым из них пускали свои зеленые побеги яркие и сочные цветы. Я заняла парту, увитую розами, ерзя на своем пеньке и удивляясь красивой доске, вокруг которой сплелись в причудливом макраме все те же живые цветы.

– Да, мои куколочки! – вздохнула тетя Зина, пока я трогала полированную столешницу, рассматривая причудливый узор дерева. – Оберон сказал правду! Помню, как однажды он явился прямо посреди битвы, когда фея стояла между двумя войсками, в надежде предотвратить сражение. Но это не значит, что вы можете вызывать его, когда вам вздумается! Если он узнает, что вы сами виноваты, пощады не ждите. А теперь, мои куколочки, я научу вас маленькому фокусу, как проучить наглых смертных, но для начала, вы расскажете мне все, что знаете о крестных феях.

Перед нами появились красивые коробочки с бантами, украшенные цветочками. Я недоверчиво посмотрела на подарок, но видя, как однокурсницы скидывают капюшоны и открывают коробочки, пища от восхищения, тоже рискнула открыть. Среди лепестков лежала изящ-

ная палочка, по которой пробегали искорки. Я достала ее, осмотрела со всех сторон, пока по парте рассыпались лепестки. Отлично! Теперь у меня есть волшебная палочка! Просто замечательно! Всем спасибо, несите диплом!

– Пока вы любуетесь подарками, я расскажу вам о крестных феях, – слышался голос Мелюзины, пока я уныло высунула нос в приоткрытое окно. За окном было куда интересней, чем я предполагала. Со второго этажа открывался вид на роскошный сад, по которому сновали слуги, заглядывая под каждый кустик. Они точно девушку ищут, а не отдельную часть?

– Ее здесь нет! – жалобно произнес стражник, раздвигая руками траву и подсвечивая себе светлячками. Ну да, конечно, она там, как партизан лежит! И отстреливается глазками... Ну-ну... Где-то неподалеку шуршали живой изгородью товарищи, напоминающие призраков. Вот я удивлюсь, если сейчас послышится: «Ух ты, какие у нее глаза большие! И что это она тут делает?». Мимо них порхала фея, высматривая какие-то неведомые дали. Девушка, видимо, не дура, раз вполне вероятно бежит где-то и даже не оглядывается.

– В лабиринте смотрели? – спросил кто-то из стражи, ощупывая кусты, как прелести любимой женщины. Так тут еще лабиринт есть? Отлично! Сразу видно, что девушка любит интеллектуальную игру «Найди и снова потеряй!». – Может, в озеро упала?

Я представила красавицу, которая сидит под водой с трубкой во рту, пока мимо нее ходят стражники. И чего это я так переживаю за нее? Уж не хотите ли вы сказать мне, Лилия Викторовна, что вы ревнуете? Может он пачками сюда гарем стаскивает, а вы тут ревновать надумали!

– Мы уже все обыскали! – орали в ответ слуги, а я подперла рукой подбородок, слушая старые добрые сказки в исполнении старой и отнюдь недоброй феи.

– ... а почему платье Золушки исчезло в полночь? Вместе с каретой? – спросил наивный голосок, отвлекая меня от торчащей из фонтана задницы стражника, который плескался так усердно, преклонившись через бортик, что скоро найдет сокровища затонувших кораблей. Он наклонился еще, обдав окружающих такой волной брызг, что где-то чуть не всплыла Атлантида. Я повернулась в аудиторию, имитируя жажду знаний.

– А все потому, дорогая моя, что платье, карета и драгоценности Золушки были взято в аренду доброй крестной феей у Рапунцель. Крестная Фея договорилась. И Рапунцель слезно просила вернуть их в полночь, потому что у нее намечался торжественный выход! Туфли были взяты у Спящей Красавицы, благо размер подошел, поэтому туфли брались в аренду на пять лет! Все равно она их не носила! – пояснила Мелюзина, а я почувствовала, что любимые сказки никогда не станут прежними!

– То есть, мы не колдуем платье, туфли, карты? – защebetали феи, пока я смотрела, как кто-то из стражи, вылезает из куста, осматриваясь по сторонам.

– Куколки мои, ну, конечно же, нет! – рассмеялась старая моль, искоса поглядывая на меня. – Хорошая крестная фея понимает, что чем удачнее она пристроит большинство крестниц, тем больше возможностей открывается перед ней для устройства других! А тыква, крысы и прочая ерунда – это магия для отвода глаз наивных крестниц!

Я слотнула, радуясь, что меня не взяла на устройство в хорошие мужские руки какая-нибудь добрая крестная, притащив вещи с чужого...

– Самая большая сложность возникла с бельем Золушки! – произнесла крестная фея. – Там размер был нестандартный, поэтому пришлось тоже снять его со Спящей Красавицы! Он даже не заметила!

Спасибо, не надо! Я тяжело выдохнула, чувствуя, как ко мне подбирается какая-то странная слабость. Сладкое чувство наполняло душу какой-то странной жадью, что мне пришлось облизать пересохшие губы, не понимая, откуда во рту появился приторный привкус, смешан-

ный с какой-то горечью. Жар приливал к щекам, а я украдкой положила руки на них, чувствуя, как они пылают.

– Мы не нашли ее, – слышались голоса стражи. «Ау-у-у!», – визгливо кричала фея – служанка, отгибая какой-то листик. Ну да, девушка у нас компактная, выдохнула и притаилась! – Может, она ... исчезла? Вы точно помните, что она была? Ваше Величество! Мы все обыскали! Ее нигде нет! Она не могла покинуть это место?

Я дернула головой, переключаясь на лекцию, которую пыталась слушать краем уха.

– ... принц, разумеется, не запомнил Золушку, которая потом превратилась в настоящее Золотце! Наутро этот идиот вообще ничего не помнил из того, что было на балу! И пока слуги носили компрессы и ведра, добрая фея подложила ему туфельку! – послышался гордый голос Мелюзины. – И сейчас я дам вам немного времени подготовиться, чтобы вы могли показать мне настоящее колдовство!

Мутным взглядом я увидела веточку с фиолетовыми колокольчиками, которые висели над доской. Я потрясла головой, чувствуя, как прилив жара вызывает у меня странное чувство, словно мир тускнеет.

– Ваше Величество! Кажется, нашли! – послышался голос из сада, пока я чувствовала легкое недомогание, от которого пыталась отмахнуться привычным «Некогда болеть!».

Где-то между искушением и истощением пролегает тонкая грань, о которой я могла только догадываться, глядя, как стража обходит по кругу чахлое деревце. Сердце тревожно билось, а я не могла понять, в чем дело и что со мной происходит!

– Лилит! Продемонстрируйте нам заклинания, которые вы уже выучили! Не стесняйтесь! – послышался голос тети Зины, а я осмотрелась по сторонам, в надежде, что тут половину фей зовут так же, как и меня.

Стоило мне взять палочку в руку, как я замерла. По моей правой руке расплзался странный черный узор, похожий на паутину. Черная паутинка становилась все больше, а я прикрыла ее рукой. Фиолетовое небо за окном превращалось в чернильное, а сквозь него проблескивало что-то похожее на ослепительные звезды... Тень медленно напозла на сад, кралась в открытое окно, а я видела, как мир вокруг преображается. Все вокруг становилось каким-то странным, красивым и немного зловещим. Цветы обнажали колючки, а глаза фей блестели странным светом, точно так же, как и их звездные плащи.

– Это она? – послышался голос за окном, а я обернулась, глядя, как маленькая фея несет в руках черепушку.

– Нет, – холодно произнес Оберон, заложив руки за спину и стоя ко мне спиной. – Это мы с прошлого раза забыли. Поймали во время охоты. Там еще где-то корона валяется... Найдете корону – бросьте в сокровищницу... Мне камень понравился... Всего принца мы решили не тащить, а только голову. Заслужил!

Алый плащ и волосы казались какими-то ослепительными, какими – то слишком яркими, словно обжигают, а в ушах зазвенела мелодичная трель.

– А если мы ее так и не найдем? – спросил голос под окнами, а Мелюзина поморщилась, покачала головой и приготовила волшебную палочку.

– Тогда она найдет свою смерть, а вы большие неприятности, – произнес Оберон, а створки окна с грохотом захлопнулись. В воздухе почему-то пахло дурманящей фиалкой.

– Вот расшумелись! – поморщилась она, поправляя на голове свой куст. От каждого взмаха волшебной палочкой, на ее прическе распускался еще один цветок.

– И все из-за какой-то человеческой девицы, которая и так обречена! Новую найдет! Для него это раз плюнуть! Сколько уже таких было, – ворчала тетя Зина, осматриваясь по сторонам, а потом снова вытаскивая меня к доске. – Ну-ну! Не будем отвлекаться на какую-то ночную бабочку, а вместо этого займемся магией! Лилит! Покажите ваши умения!

– Эм... – помялась я, глядя на волшебную палочку в своей руке. Вторую руку я прятала под плащом. Что-то мне местная медицина доверия не внушает, если честно. В голове задорную песенку пела волшебная фея, перед которой с открытым ртом сидела впечатлительная Золушка, еще не знающая о том, что ей предстоит натягивать на себя чужое белье и туфли.

– Пибэди-пабэди-ду! – выдала я, особо на успех не рассчитывая, но при этом не забывая взмахнуть палочкой. Сначала я не поняла, а через мгновение прямо на парты упало что-то огромное, чешуйчатое, а на меня немигая посмотрел желтый глаз.

– Дракон!!! – заорали феи, бросаясь врассыпную.

– Ты что натворила! – заорала Мелюзина, пытаясь пустить в него искорки из своей палочки. – Это... Это запрещенное заклинание! Кто разрешал тебе использовать «пибэди-пабэди-ду»?

И правда? Кто разрешал? Все почему-то резко приуныли, всем видом показывая, что дракону не рады! Зато дракон был очень рад нам, и вовсе не считал «пибэди-пабэди – ду!», чем-то плохим. Видимо, это заклинание имело у него стойкую ассоциацию с кушать подано, поскольку, первой его мыслью было начать с легкой закуски.

Перекрытия дворца ломались, как яичная скорлупа, а пока еще ноги выносили меня за пределы новой драконьей столовой имени меня. Нет, ну могли бы сразу предупредить? Могли бы на стене написать: «Запрещенные заклинания! Знать и никогда не применять!».

– Спокойствие! – орал какой-то оптимист из стражи, влетая в коридор, по которому нас дружной стаей гнал огромный и зубастый ящер. – Что случилось?

Видимо, со зрением у стражника было совсем туго, поэтому дракон, пытающийся куснуть за сверкающую накидку рыжеволосую фею, ничуть его не смущал. Может, я что-то не знаю об этом замке, или дракон имеет инвентарный номер, но узнавать, где он у него написан, я буду исключительно после того, как потыкаю дракошу палочкой и буду уверена, что он мертв!

Я цеплялась за стены, видя, как феи оборачиваются маленькими светлячками, бросаясь врассыпную, а мне на встречу бежит стража. Мои крылья сделали несколько унылых взмахов, намекая на то, что рожденный ползать летает крайне редко.

– Ох! – слышались голоса, а слава убийцы драконов почему-то никого из них не прельщала. Может, у них драконы священные животные? И вместо того, чтобы отбивать несчастную жертву им желают приятного аппетита?

Я вжалась в стену, с ужасом глядя, как дракон – дизайнер смело и дерзко вносит свои коррективы в перепланировку дворца, руша стены и потолки. Огромный, темный ящер ревел так, словно где-то ему прищемили хвост и то, что под хвостом. Я юркнула в какую-то роскошную комнату, дверь которой была приоткрыта, и тут же бросилась к окну! Второй этаж – полет недолгий! Красивый витраж, пронизанный лучами волшебного света, не поддавался. Желтый глаз дракона заглянул в дверь, пока за ней слышались такие крики, словно первое, второе уже съедено, а меня оставили на десерт.

Да он вообще должен быть мне благодарен! Сидел бы в своей пещере, если бы не я! А тут такое разнообразие! Но благодарности дракон не испытывал, или испытывал, но не скромно не показывал.

Стекло поддалось, окно распахнулось, а я вскочила на узкий подоконник, глядя на розовые кусты аккурат под окнами. Что? Еще и ежевика?

Дракон расширял проход, а кто-то из фей пытался его остановить. Я видела несколько светлячков, летающих возле его пасти.

Дракон зажмурился, послышался глубокий вдох, а я мысленно понимала, что миллион алых роз из окна – не самая лучшая идея.

– А... – послышалось от сморщившегося дракона. Мысленно колеблясь и поглядывая вниз. Я прыгнула, чувствуя, как мои крылышки пытаются поднять меня в воздух. Меня швыряло и дергало из стороны в сторону, ноги телепались, а над головой пронесся столп пламени.

Крылья несли меня куда-то, но судя по тому, как меня мотало, сами не решили куда. А потом я почувствовала, как лихо падаю на траву. Сердце ушло в пятки, а я понимала, что далеко не улечу. Крылья почему-то поднимали меня все выше и выше, но я криками пыталась объяснить им, что категорически боюсь высоты!

Я видела, как полыхает крыло дворца, как из него разлетаются огоньки, сбиваясь в кучу, и как по саду спокойной походкой хозяина жизни идет Оберон. Стража едва сдерживала дракона, пытаясь зажать его среди руин.

Алый плащ стелился по тропинке, сминая нежные цветы, а Оберон невозмутимо шел сторону обезумевшего дракона, по пути уверенно вытаскивая меч из ножен одного из стражей. Широкие плечи обвивала траурная лента, а на груди в черной дымке материализовывался тот самый анатомический доспех, напоминающий обнаженные ребра.

Дракон, вместо того, чтобы проявить должное почтение, или, как и полагается, терпеливо подождать, пока к нему дойдет одинокая фигура, пафосно снаряжаясь на пути к славе, дернулся, поливая пламенем все, до чего мог дотянуться. Сверкающая паутина, стягивающая крылья, разлетелась по сторонам, а могучий взмах крыльев отмел стражу. Пригибаемые к земле воздушным потоком, они в большинстве своем легли. Дракон взмывал над головой Оберона, а я смотрела на алый плащ, поддавшийся натиску драконьего ветра.

Невидимая сила поймала дракона на подлете к звездному небу цвета аметиста. Внезапно ящер замер, его крылья сложились, а в магическом свете сверкнула паутина, опутывающая его и бросающая на землю с таким грохотом, от которого остатки дворца едва ли не сложились коробочкой. Ударная волна отмела меня в кусты, с которыми я попыталась вежливо поздороваться. В глазах все двоилось и троилось, а мир слегка поплыл.

– Как. Ты. Посмел, – чеканил голос, от которого мурашки пробежали даже у стен. – Нарушить. Покой. Моего. Королевства?

– Не подходи ко мне, чудовище! – жутким голосом прохрипел дракон, пытаясь подняться, но едва видимые нити стягивали его.

Глава седьмая. Засосун, или никому не нужен феерический король?

– И с чего это вдруг я стал чудовищем? – надменно произнес Оберон, глядя на хрипящего дракона и склонившись к нему. Стража стояла вдоль разрушенного крыла, а феи летали огоньками вокруг руин.

– С тех самых, тварь, – прохрипел поверженный дракон. – Как ты взял с пола упавшую корону... Я верно служил королю волшебной страны Ллуду, и тоже участвовал в той битве, но на его стороне...

– Я тебя помню, – надменно усмехнулся Оберон, рассматривая ветерана битвы, о которой я была не в курсе. – Ты был снизу... А еще я помню на тебе седло...

– Ты догадлив, паучий король, – рассмеялся дракон, словно подавился. На лице Оберона было написано столько всякого, что впору одалживать блокнот, дабы детально постичь местные ругательства. – Раскинул сети, и сидишь, как Паук... Ждешь, когда к тебе приведут следующую... И так бесконечно... Заметь, я не убил ни одну фею... Я просто хотел вырваться...

– Я бы заставил тебя восстанавливать замок, но у тебя же лапки, – передернуло Оберона.

– Твои феи превратились в ленивых мух, – прохрипел дракон, а его зубастая пасть оскалилась в подобии улыбки. – Если бы это произошло при Ллуде, то дворец был бы уже восстановлен! Ты слишком увлекся миром, чтобы видеть простую истину. Твои феи забыли, что такое настоящая магия!

– Ты имеешь в виду ту магию, которой Ллуд прислуживал людям? – надменно спросил Оберон, а его лицо напоминало посмертную маску.

– Мы все помним, как ты клялся, что никогда не пойдешь на это... Ты кричал, что тебе проще переступить грань жизни и смерти, воссоединившись со своим мертвым эскортом... И что теперь? Прошло несколько тысяч лет, а ты все еще жив... Это означает лишь то, что ты все же стал чудовищем, пауком, убийцей. Ну что ж, а у меня для тебя есть еще один подарок! Я скажу тебе, но ты не поверишь, – страшно рассмеялся дракон. – Последней будет та, с кем ныне связан. Король мой отомщен, а ты наказан!

– Убирайся из моих владений! – процедил надменный Оберон, а дракон смотрел на него страшным глазом. – Счастливого вымирания в мире людей!

Дракон освободился, взмахнул крыльями и взмыл куда-то под самый купол фиалкового неба, растворившись среди магических звезд. Я лежала на траве не в силах пошевелиться. Черная паутина расплзлась по рукам, ажурными перчатками окутывая мои пальцы.

– Как ты могла!!! – послышался голос Мелюзины, а я все еще чувствовала, как меня трясло. – «Пибэди» на древнем языке фей означает «приди», «пабэди» – помоги мне, а «ду» – убей всех! Если фее нужна помощь, она произносит «бу», гусеница!

Если вы услышите то, как я пою любимые песни на языках, которые я не знаю, повторяя попугайчиком все услышанное, то берите веревку и бегите в сторону солнца!

– Ты будешь наказана! – расплылась покрасневшая Мелюзина, доставая палочку и взмахивая ею. Я чувствовала, что не могу даже пошевелиться, чтобы хоть что-то сделать. Тело не слушалось, а ощущение реальности терялось. Оно у меня и так теряется, а тут вообще бесследно. – Вот заколдую – будешь знать! Ну-ка! Во что бы тебя превратить, гусеница? Ва... ваше величество... Вы хотите пощадить ее? Ва...

– Ее и так уже превратили в мою смерть, – послышался голос, а я почувствовала, как меня берут на руки, положив мою голову себе на плечо. – Прекратить поиски. Я ее нашел.

Я видела, как занесшая палочку Мелюзина убирает ее, опуская глаза. Другие феи сверкали вокруг своими пестрыми крыльями, снова возвращаясь к обычному росту. В абсолютной

тишине меня несли на руках в сторону дворца, пока феи слуги пытались восстановить целое крыло. Меня несли по ступеням в зловещей тишине, а двери перед нами распахивались, обнажая волшебную красоту каждого зала, коридора. Светлячки сливались в ленты, а я лениво смотрела на них, чувствуя, как меня больше не радует красота волшебного мира.

Роскошные покои, в которых царил таинственный полумрак, встретили нас тишиной. Меня опустили на ложе, а я облизала пересохшие губы. Прохладная рука легла мне на щеку, а я чувствовала, как от прикосновения озноб становится все сильнее. Мне казалось, что по моему телу разливался яд, а на меня надменно смотрели вишневые глаза. Волшебные светлячки на потолке, цветы, в которых блестели драгоценные камни, украшающие все вокруг, создавали ощущение нереальности и чего-то призрачного.

– Что ты делаешь? – едва слышно прошептала я, а прохладные пальцы, едва касаясь, легли на мои губы. Оберон молчал, а я уже ощущала дыхание на своей щеке. Неуловимое, скользящее, словно ветерок, пронзающий эти магические сумерки.

Едва ошутимое прикосновение губ к моим губам заставило вздрогнуть, а сквозь это необъяснимое наваждение мои губы раздвигали жадным, требовательным и настойчивым поцелуем. Озноб сменился жаром, я задыхалась, а меня приподняли, сжимая в руках, пока одни жадные губы искали вторые, окутанные ядовитой дымкой полусна-полуяви.

Мне казалось, что этот поцелуй вынимает из меня душу, а мои пальцы сжимали алые одежды короля фей. Каждое прикосновение губ приносило мне какое-то дикое, первобытное, необъяснимое блаженство, словно я несколько дней подряд брела по пустыне, обжигаемая палящим солнцем с единственной мечтой о стакане прохладной воды. И вот он, обжигающе-ледяной, запотевший и пленительный прикасается к моим губам, а я жадно и торопливо пью и не могу поверить, что мечта сбылась. Дурманящий, удушающий запах ночной фиалки, которым были пропитаны огненные волосы, терпкая на вкус кожа и мягкие, сладкие и нежные губы.

– Еще? – одними губами спросили у меня, пока я смотрела на лицо, которое в этот момент казалось прекрасным и таким пленительным, словно темная, ожившая мечта. Мои пальцы снова чувствовали, мое тело снова двигалось, а от оцепенения не были ни следа. Губы, которые снова прикоснулись ко мне, казались теплыми и даже жаркими. Нет! Я дернулась, отгоняя сладкую дымку наваждения, а меня безразлично отпустили, оставив сидеть на кровати и смотреть на стройную фигуру, грациозно подносящуюся со смятого покрывала. Все то же надменное лицо, холодный взгляд глаз, которые должны были быть самыми теплыми, раз уж природа дала им цвет вишни – напоминание о солнечном лете.

– Это – мой яд, – послышался высокомерный голос, а я видела каскад волос, спадающих по широким плечам вниз огненными реками. – И мое проклятье. Благодаря этому я живу. Ты отдаешь мне частичку своей жизни, и она удерживает меня на тонкой грани жизни и смерти. Если бы я нашел тебя на час позже, то спасти тебя бы не удалось. Я бы мало, что смог бы сделать...

Я молчала, глядя на него и не понимая, что делаю в чужой кровати. Были у меня, конечно, некоторые соображения относительно операции по спасению, но я решила промолчать. Такие варианты развития событий я не рассматриваю.

– А у вас в волшебной стране все умеют разговаривать спиной? – усмехнулась я, видя, что мои руки снова стали обычными. Никаких следов черного кружева паутины! Пульсирующие вены запястья, бледная в магическом свете кожа, которая казалась полупрозрачной и какой-то нездорово-бледной.

– Если я не поцелую тебя снова, ты умрешь, – снова послышался голос, а руки за спиной сплелись. – Яд поглотит тебя полностью. Сначала озноб, потом оцепенение, черная паутина по телу и медленная смерть в болезненной агонии... Пока жива ты, я не могу найти другую.

– О, да, говорящая попа феерического короля! Это я уже поняла, – заметила я, со вздохом осознавая, что король фей намеков не понимает. – И? Попа, прошу, не молчи...

– За это ты получишь все, что в моих силах дать тебе, – снова послышался негромкий голос, пока я понимала, что намек был слишком тонок, и нужно что-то покрупнее, поувесистей. – Я постараюсь дать тебе то, чего у тебя никогда не было. Считай это моей благодарностью.

– Спасибо, говорящая феерическая попа, – я подняла брови, понимая, что из вежливости собеседник мог бы не изобразить судьбу, и повернуться ко мне передом.

Ко мне повернулись лицом, а я посмотрела на бледное, надменное лицо и горделивый соцуренных взгляд.

– Так же благодарностью считается мое терпение, – на меня многозначительно смотрели в упор, а мне показалось, что намеки он все-таки понимает. Не нравится мне все это. Я зябко поежилась, пытаюсь понять, что происходит. Выходит, что он целует меня, поглощает частичку жизни, и за счет этого живет? И для того, чтобы я не убежала, существует это проклятие? Чтобы я постоянно была рядом? Я смотрела на него. Пусть скажет, когда нужно трепетать перед ним, а то я тут благоговею с такого расклада!

– Почему именно я? – со скрытой враждебностью спросила я, пытаюсь осознать, откуда столько счастья на мою голову. Еще бы! Да тут каждая первая мечтает о таком мужика, а тут я со своим «Здрасте, подвиньтесь, красавицы!». – С чего это мне выпала такая честь из чужих штанов?

– Не обольщайся, – коротко произнес Оберон, а на его губах дрогнула презрительная улыбка. – Мы ограничимся поцелуями. Это – мое условие. Ты – всего лишь случайность. Ты – не фея, и я это сразу понял. А вот крылья твои мне знакомы. Была одна фея, которая занималась тем, что поставляла мне своих крестниц.

– Ее случайно не Сутенер звали? – прищурилась я, сползая с кровати. На меня вопросительно посмотрели. – Хорошо, у нее в фамилии есть слово «сутенер»?

– Я не понимаю, о чем ты. Но этой феи больше нет, а у тебя ее крылья, – тихим голосом произнес Оберон, глядя на меня в упор. – Это означает только то, что у нас с тобой есть маленькая тайна. Поэтому не стоит задавать мне вопрос: «Почему я?», если боишься, что кто-то узнает твой правдивый ответ.

– И как снять проклятие? – сардонически спросила я, взвешивая перспективы и понимая, что они отнюдь не радужны. С одной стороны, он мне чем-то даже нравился. И не только внешне. Люблю мужчин, которые знают себе цену. Но не люблю тех, кто ее постоянно называет.

– Как ты думаешь, первый, второй или третий вариант? – спросила я, глядя на красивую фигуру и бледный профиль.

– А почему ты спрашиваешь? – напряглось его величество, не понимая о чем я. Мужская самооценка уже искусанная мной, мстительно посмотрела в мою сторону.

– Так первый, второй или третий? – подняла брови я, глядя на него и чувствуя, что непреодолимое желание задушить его, не покидает меня с момента первого откровения.

– Допустим, первый, – надменно ответил Оберон, рассматривая сверкающий камень и поглядывая на меня. В его руках собирался сверкающий браслет из сверкающих камней.

– Отлично! Значит, «засосальщик». Были варианты «вантуз» и «лобызун», – ядовито ответила я, спуская ноги на пол и пытаюсь скрыть смесь растерянности и раздражения. – У меня появился персональный «целовальный» мужик. Слушай, а феи, случаем, не поцелуями размножаются? А то мало ли...

– Наверное, я тебя огорчу. Нет, – изрек насмешливый и высокомерный голос, а я пыталась понять, сколько ему лет на самом деле. Нужно же знать возраст, за который вырастает такое

самоуверенность? – Я разрешаю тебе делать все, что хочешь, только при условии, что ты отсюда не сбежишь.

– То есть, я – пленница? Так бы и сказал, – произнесла я, чувствуя, что мое настроение обрело свои крылья и куда-то улетучилось.

– На твоём месте мечтала бы оказаться каждая, – произнес Оберон, поглаживая цветы и перебирая пальцами драгоценные камни, лежащие россыпью на столе, а в его руке сверкнул браслет.

– Так я могу подвинуться! Эй! Девочки! Заходите по одной! Ты не против, если я буду брать деньги? – сообщила я, вставая с кровати и сдувая волосы с лица. Я дошла до двери, а позади меня послышался насмешливый голос, а меня взяли за руку.

– Так, а это что у нас? – спросила я, глядя на сверкающий браслет на руке.

– Считай это подарком от чистого сердца, – произнес Оберон, а я смотрела на него, а потом на украшение.

– Помой сначала сердце, а потом начинай дарить, – огрызнулась я, пытаюсь сорвать с себя побрякушку, но она не давалась. Оберон смотрел на мои попытки с улыбкой.

– Если не хочешь от чистого сердца, то могу от всей души, – произнес он, пока я зубами пыталась разжать звенья тонкой цепи.

– Душой обзаведись сначала, а потом дари подарки, – улыбнулась я, понимая, что останусь без зубов если продолжу. Нет, зараза, тонкий, но держится крепко.

– Это для того, чтобы я всегда знал, где ты находишься, – ответили мне, снова отворачиваясь. – Можешь не благодарить. Слуги исполнят любой каприз. Я бы посоветовал тебе переодеться. Тебя проводят в твои покои.

– А могли бы оставить меня в покое? – возмутилась я, сжимая кулаки. Нет, ну только только он начинал мне нравится!

– Ладно, я пошла, засосун! – махнула я рукой, чувствуя, как по ней скользит тонкая прохладная цепочка браслета. И вот как тут после этого оставаться?

Глава восьмая. Поцелуй меня в бородавки

Я спустилась, глотая новости, которые комом встали в горле. Красивая лестница изви- валась, я спускалась по ней, понимая, что не знаю, что делать. Мысли путались, сплетались, утомляя и заставляя от них отмахиваться, как от назойливых фей.

За одной из дверей отчетливо послышался голос Мелюзины. «А теперь я расскажу вам историю принца-лягушки! О, это был маленький гаденыш, но все-таки я его сумела проучить! Я его женила!». Я приоткрыла дверь, заходя в класс, который только-только восстановили после моего «пибэди».

Меня встретили тишиной, а я спокойно села за парту, доставая из кармана новую палочку. В сердце сверкнула волшебной искоркой надежда на то, что мне удастся снять собственное проклятие и вырваться отсюда, если я смогу хоть немного научиться магии. Если честно, то я сначала не поверила, но дракон как-то убедил меня в том, магический дар у меня все-таки есть. И судя по тому, как я начинаю ерзать на стуле, место его нахождения вполне очевидно. Стоило мне подумать об этом, я почти отчетливо услышала шаги за дверью.

Алый плащ яркой вспышкой мелькнул перед глазами, а я схватилась за палочку. Если что я знаю парочку хороших заклинаний, например «а правый глаз у тебя лишний»!

– Мелюзина! – послышался надменный голос, а все феи встали с места, учтиво поклонившись. Я же осталась сидеть на стульчике. Не все мои решения правильные, но это – решения личности. – Я требую, чтобы ты сейчас же сотворила карету и бальное платье.

Я смотрела на его величество. На счет кареты, ладно! Туда, куда я его послала путь не близкий. А вот «и бальное» платье меня настораживает.

– Немедленно! – гневно произнес Оберон, а я смотрела на него, не понимая, к чему он клонит. Нет, милый, карета там не пройдет! Там пешком придется идти! – Встань!

Он это мне? Я осмотрелась по сторонам. Это он кому? Кто тут позволяет разговаривать с собой в таком тоне? Нет никого? Странно.

– А что означает «и бальное» платье? – прищурилась я, недовольным взглядом глядя на его величество. – Пока не объясните, я даже с места не сдвинусь. И бал вам в зал!

– Встань, – уже чуть мягче произнес король, а я демонстративно отвернулась к окну, делая вид, что меня это никак не касается. «И бальных» платьев мне не надо! Мне и в шортах очень даже удобно. Браслет сверкнул на моей руке, вызывая завистливые взгляды соучениц. Извините, я слегка оглохла... За окном красивые кустики, видали? Особенно тот, с голубыми цветочками.

– Колдуй так, – милостиво разрешил король, а Мелюзина забегала глазами. – Представь, что это – твоя крестница... Быстро. Чтобы через пять минут она была одета в то самое роскошное платье, в котором Золушка была на балу! Меня не устраивает то, в чем она одета!

– Я понимаю, что чем длиннее платье, тем медленнее бегают девушка, – произнесла я, глядя на него. – Но раз платье «и бальное», то в полночь оно будет снято, а девушка без платья бегают куда быстрее, чем в платье.

– Одну минутку... Сейчас-сейчас, – занервничала фея, тряся палочкой, из которой сыпались искорки. – Сейчас припомню... Кажется...

– Если кажется, в глазки капать надо, – насмешливо произнес Оберон, пока я всем видом подчеркивала, что слабо с ним знакома.

– Погодите, – занервничала Мелюзина, пока я с усмешкой ждала «и бальное» платье. – Из головы вылетело! Упорхнуло! Так, я не помню, это заклинание для кареты или платья? И там и там есть... Сейчас-сейчас! Или карета, или платье...

– Раз, – произнес Оберон, а Мелюзина взмахнула палочкой. Я с ужасом представила себя четырехколесной, двух дверной, с отличной подвеской «и бальной» каретой. – Два...

Послышалось сбивчивое заклинание, а я расширила глаза от ужаса. Оберон держал руку с палочкой Мелюзины, которая моргала, поглядывая на дырку в стене над моей головой.

– Вон отсюда, Мелюзина, – произнес Оберон, а я напряглась, видя, как старушка трясет палочкой, уверяя, что просто она барахлит. – С этого момента я лично буду обучать вас.

Где-то собрались плохие новости, крича наперебой: «Можно я первой пойду!». Зато я теперь точно знаю, как одна плохая новость гаденько потирала ручки: «Зато я ее добью!». Обведя взглядом фей, который побледнели, переглядываясь, Оберон задумался.

– Итак, урок первый. Принцы обычно плохо заканчивают, – произнес он, а я отклонилась на спинку стула. – Вопросы есть?

– А вы лично проверяли? – поинтересовалась я, почему-то не сводя с него глаз. – Простите, а у меня вопрос. Как к вам обращаться, многоуважаемый педагог? Ваше величество?

– Все могут меня называть по имени, – произнес Оберон, глядя на меня. Мужская самооценка мечтала меня задушить на месте. – А та, кто спросила, исключительно ваше величество. Сегодня я покажу вам заклинание, которое обращает смертного в жабу. Для чего оно нужно?

– Чтобы проучить кого-то! – пискнула фея с первой парты, облизывая взглядом высокую фигуру. – Или наказать!

– Чтобы он согласился на крестницу! Мы превращаем его в жабу, а он рад любой, кто его расколдует! – быстро сообразила еще одна фея, пока я демонстративно изучала пейзажи за окном, обиженно поджав губы.

– Запомните, – приказал Оберон, заложив руки за спину. – Людям нельзя доверять. Крылья феи используются в магических ритуалах и зельях. Пыльца с крыльев фей – один из важных ингредиентов. В последнее время он стал очень редким. А вот головы несостоявшихся магов, любящих ценные ингредиенты, стали очень распространенным трофеем дикой охоты. За такое я сразу обезглавливаю. Но я хочу, чтобы вы тоже умели себя защитить.

– Ваше величество! – влетела стража. – Фея... Принц похитил фею для своих утех... Она в магической камере, во дворце... Ей чудом удалось передать послание... Он оторвал ей часть крыла, чтобы она не улетела...

– А вот и еще один пример, почему я ненавижу людей, – ледяным голосом произнес Оберон, растворяясь в воздухе. Феи повскакивали со своих мест и бросились в коридор. Я пошла вслед за ними, чувствуя, что добром это дело не кончится.

В тронном зале собрались феи, и, судя по заостренным ушам, эльфы, ожидая чего-то, к чему его не успела подготовиться моя психика. «Слыхали, что он отрезал ей крыло!», – шептались зрители, а я чувствовала себя странно. Почему он лично решил обучать нас? Женская самооценка взяла перо, в надежде, что на этот педагогический подвиг сподвигла его моя скромная персона. Я прищурилась, поглядывая по сторонам. Мы все чего-то ждали.

Роскошные двери распахнулись, к трону шел Оберон, волоча за волосы какого-то молодого мужчину. Золотая корона упала и покатилась к ногам зрителей, а лицо короля фей было искажено ненавистью.

– На колени, – произнес король фей, бросая принца на подходах к трону. Я видела, как один из стражников вносит дрожащую фею, укрытую покрывалом. У нее было только одно крыло, а вместо второго виднелся кусочек... Она дрожала всем телом, прижимаясь к нагруднику стражника. Ее пронесли мимо нас, и было отчетливо слышен ее дрожащий голосок: «Я больше никогда не вернусь в мир людей... Никогда... Мое крыло... Зачем он оторвал его? Оно было красивым... Мама говорила, что у меня самые красивые крылья... Я ничего не сделала... Я просто... просто собирала цветы в лесу...».

Я видела, как кровавая река плаща стекала по ступеням роскошного трона, увитого цветами и сверкающего драгоценными камнями. Принц лежал на полу в позе эмбриона и орал так, словно «и бальное» платье пришлось ему в пору.

– На колени, – процедил Оберон, усаживаясь на трон, а принц выл, прижимая руки к животу.

– Вы за это поплатитесь! – рычал принц, пока я смотрела на сверкающую корону, лежащую возле моих ног и разметающиеся по полу волосы. Дорогая одежда сверкала драгоценным шитьем, тонкая сорочка виднелась из-под камзола. – Я – сын короля! Мой отец уничтожит вас всех, проклятые нелюди!

Я смотрела на жабу, не веря своим глазам! Почему я раньше не знала такого заклинания?

– Не забудьте указать время, на которое превращаете в лягушку, – послышался насмешливый голос Оберона, пока принц-лягушка уползал в какую-то щель. – Иначе только поцелуй. Вполне достаточно не говорить про любовь, достаточно, чтобы человек нравился.

– То есть не нужно, чтобы была неземная любовь? – тихонько переспросили феи, удивленно переглядываясь.

– Ваше Величество! – послышался голос стражника, а Оберон посмотрел на него. Брови его сошлись на переносице, а стражник учтиво поклонился, едва не звякнув мечом об пол. – Король Эдиваль Мудрый уверен, что фея похитила принца, поэтому отдал приказ искать всех фей королевства.

– Значит, папаша был осведомлен об утехх сына? – послышался голос, от которого всем вдруг стало неуютно. – Это меняет дело. Думаю, что придется отрезать корешок родовому дереву. Девочки, идите в сад. Тренируйтесь, пока я не вернулся. Запомнили заклинание? Вечером каждая из вас мне его продемонстрирует. Если принц будет себя плохо вести, зовите стражу! Не позволяйте ему убежать. Иначе у вас будут большие неприятности!

Алый плащ пронесся перед глазами, а я проводила его гадом. Хотела взглядом, но как получилось.

– Я его не буду брать в руки! – скривилась рыженькая фея, морщась и трепеща крыльями.

– И я не хочу! – послышались брезгливые голоса. Я посмотрела на них, усмехнулась, подняла жабу и золотую корону, которую лихо напялила себе на голову.

– Ничего себе! – прошептали феи, восхищаясь такой стойкостью. Почему бы и нет? Подружиться с однокурсницами, чтобы побольше разузнать о мире фей – неплохая идея.

– Хи! – послышалось за моей спиной, пока я несла его бородавочное величество в сторону полянки, освещенной нежно-лиловым светом волшебного солнца. – Если он что-то съест у нас, то останется здесь навсегда! Посмотрим, как он мучается от голода!

– То есть смертным нельзя здесь ничего есть? – настороженно спросила я, чувствуя, что пояс на талии затянулся вместе с вынужденной голодовкой. Да ну его... Мой взгляд упал на жабу. Да ну его в жабу такие перспективы! Нет, я к диетам привычная. Пять дней могу голодать спокойно! Это уже второй день я тут без еды? Нужно выбираться отсюда.

– Нет! А они, глупые, не знают! – хихикнули феи, пока я сбрасывала принца на траву. Принц вместо того, чтобы сидеть ровно, тут же бросился скакать. Теперь при мысли о том, что к кому-то прискакал принц, конь мне представляется с трудом.

– Лови его! Он сейчас ускачет! – азартно кричали феи, а кто-то из них пустил заклинание. Принца подбросило, а он упал в фонтан. Через минуту там сидел мокрый рабовладелец, сплевывая длинные волосы, облепившие лицо.

– Я! Я! – закричала светловолосая фея с буклями волос, размахивая волшебной палочкой. Принца снова подбросило, а он хлюпнулся в фонтан. – Получилось! Получилось!

Я смотрела на эту детскую радость, слыша кваканье. Через несколько секунд в воде снова сидел принц.

– Да как вы смеете ..., – начал он, а в него снова полетело заклинание, и он снова шлепнулся зеленым оладушком в воду. – Ква! Ква!

Пока феи развлекались, я шевелила губами, пытаюсь запомнить заклинание. Принц сплевывал воду: «Я вас ... ква, ква! Маленькие ... Ква! Феи! Да вы знаете кто мой ... Ква!».

Пока феи резвились, я задумчиво сидела на траве. Значит, Оберон проклял меня. Зачем? Почему я? Мысль о проклятии не давала мне покоя, а я перебирала браслет, глядя, как сверкают камни в магическом свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.